947
A413

1415

947
A413

~~25770~~

КО
п 34 г.
Э.К
947
А 41 2
56600
49
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки
947
А 413

О ДРЕВНЕМЪ БЫТѢ

У СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ

и

У РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ

(по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ).

Константина Аксакова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 7 дня, 1852 года.

Цензоръ Князь Львовъ.

(Изъ Московскаго Сборника.)

О ДРЕВНЕМЪ БЫТѢ

У СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И У РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ

(ПО ПОВОДУ МНѢНІЙ О РОДОВОМЪ БЫТѢ).

Константина Аксакова.

О ДРЕВНЕМЪ БЫТѢ

У СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И У РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ (1).

(По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ).

Просвѣщеніе западное вошло къ намъ не съ общечеловѣческимъ значеніемъ, а съ національностью и притомъ еще чужою. Вслѣдствіе этого явился и періодъ исключительной національности, только не своей, а чуждой, отъ которой своей приходилось плохо. Всякое самобытное явленіе русской жизни подвергалось иностранному воззрѣнію науки и, будучи совершенно оригинальнымъ, терпѣло много отъ односторонности этого воззрѣнія. Наука есть не что иное, какъ сознаніе предмета, познаніе его законовъ изъ него самаго; между тѣмъ науку часто понимаютъ, какъ собраніе заранѣе постановленныхъ правилъ, прилагаемыхъ къ предмету. Русскимъ явленіямъ пришлось испытать тиранію науки въ этомъ второмъ ея значеніи. Этой

---

(1). Въ статьѣ нашей объ изгояхъ, помѣщенной еще въ 1850 году въ № 87 Московскихъ вѣдомостей, высказаны въ общихъ выраженіяхъ мысли наши о древнемъ бытѣ русскомъ. Говорить подробнѣе объ этомъ предметѣ предоставили мы себѣ въ другой разъ. Настоящая статья есть исполненіе высказаннаго тогда намѣренія.

тиранiи подверглась русская исторiя, поэзiя, языкъ,— однимъ словомъ все, что только могло составлять предметъ сознанiя.

Нѣмцы первые стали объяснять Русскимъ ихъ исторiю. Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ, не принадлежа къ народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь. Русскiе сами, получивъ иностранное воззрѣнiе, смотрѣли также не по-русски на свою исторiю, какъ и на все свое. Ломоносовъ, въ природѣ котораго, впрочемъ, болѣе другихъ проявлялись русскiя движенiя, Карамзинъ и другiе изображали русскую исторiю такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно. — Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, но бытъ простаго народа, сохранившiйся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали наконецъ на взгляды нашихъ ученыхъ, и желанiе понять русскую исторiю настоящимъ образомъ, желанiе самобытнаго воззрѣнiя — пробудилось. Политическiй взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическiе переговоры и законы, взглядъ Шлецеровскiй и Карамзинскiй, былъ наконецъ оставленъ и, въ наше время, вниманiе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннiя причины его жизни. Самъ г. Погодинъ, извѣстный послѣдователь Шлецера, сталъ отыскивать коренныхъ жизненныхъ началъ въ исторiи, сталъ смотрѣть не какъ на безсмыслицу на перiодъ усобицъ и началъ его распутывать. Желанiе самостоятельнаго пониманiя, воззрѣнiе бытовое, высказалось (печатно) преимущественно въ новомъ поколѣнiи ученыхъ и наиболѣе въ профессорѣ русской исторiи, г. Соловьевѣ. Желанiе не есть достиженiе и г. Соловьевъ съ послѣдователями — все таки послѣдователь другаго Нѣмца, Эверса.

Такимъ образомъ и въ наше время, не смотря на измѣненія въмірѣ науки, на стремленіе русскихъ ученыхъ взглянуть самобытно и свободно на свою исторію, все-таки господствуютъ два направленія, данныя иностранцами: направленіе Шлецера и направленіе Эверса.

Что за дѣло, скажутъ намъ, что направленіе дано иностранцемъ; лишь бы оно было истинно. — Совершенно согласны, но истинно ли оно? — И потомъ: иностранцу трудно, по крайней мѣрѣ, угадать условія жизни народа, ему чуждаго, въ особенности народа русскаго, котораго жизнь такъ отличается отъ жизни другихъ народовъ и отъ котораго образованные и просвѣщенные классы самихъ Русскихъ отдѣлились, подпавъ чуждымъ воззрѣніямъ.

Взглядъ г. Погодина на участіе Норманновъ въ нашей исторіи давно извѣстенъ, и если когда нибудь и пришлось бы говорить объ этомъ взглядѣ, то не теперь. На очереди, по нашему мнѣнію, находится другое, обозначенное нами направленіе, которое, по новости, по числу послѣдователей, по разнообразію приложенія своихъ взглядовъ, заслуживаетъ предварительнаго вниманія.

Давно высказанное мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ недавно поднято молодыми учеными. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, они идутъ далѣе, изслѣдуютъ, развиваютъ, отыскиваютъ родовой бытъ вездѣ и родовой бытъ принимаютъ за основаніе всего въ русскомъ народѣ и вообще въ народахъ славянскихъ. Иные доводятъ это мнѣніе до крайности. Много написано по этой части статей и цѣлыхъ сочиненій. Но надобно признаться, что ни одинъ изъ этихъ новыхъ ученыхъ не опредѣлилъ настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ. Они довольствуются тѣмъ значеніемъ, какое придается ему въ общественномъ разговорѣ: вмѣсто

родовой употребляютъ они слово: патріархальный, также не опредѣливъ этого слова и также довольствуясь тѣмъ, что смыслъ его извѣстенъ. Но общественное пониманіе не должно быть достаточно для науки; общество понимаетъ, пожалуй, и слово: философія, но неужели поэтому не нужно опредѣлять его? Какъ бы то ни было, читателю, желающему дать себѣ вѣрное научное пониманіе, приходится самому изъ словъ поборниковъ родоваго быта или послѣдователей Эверса (1) извлекать положенія и, такимъ образомъ, утвердить и привести въ настоящую ясность ихъ мнѣ-

---

(1). Одинъ изъ главныхъ представителей означеннаго мнѣнія, г. Калачевъ выражается такъ: «Онъ (Эверсъ) первый изъ юристовъ бросилъ критическій взглядъ на древній бытъ нашего отечества, — первый старался объяснить его съ естественной точки зрѣнія, принявъ для этого въ основаніе общій ходъ развитія у всѣхъ народовъ государственнаго быта изъ патріархальныхъ родовыхъ отношеній, — первый наконецъ показалъ самый способъ, какъ приняться съ этой точки зрѣнія за разработку нашихъ древнихъ памятниковъ. Вотъ то глубокое значеніе, какое, намъ кажется, имѣетъ въ нашей наукѣ драгоцѣнное сочиненіе Эверса, вышедшее подъ заглавіемъ: Древнѣйшее Русское право.... Это сочиненіе такъ уже извѣстно всѣмъ ученымъ, пользуется уже такой заслуженной славой, что было бы безполезно объ немъ распространяться. Но нельзя оставить безъ вниманія, что сѣмя, брошенное Эверсомъ, принесло богатые плоды въ его непосредственныхъ и посредственныхъ ученикахъ: можно, по справедливости, сказать, что онъ былъ *основателемъ, отцомъ* историко-юридической школы, которая такъ усердно, на основаніи указанной имъ точки зрѣнія, занимается въ наше время разработкой древней отечественной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, *старанія новѣйшихъ ученыхъ уяснить родовыя отношенія,* игравшія столь важную роль въ первоначальномъ бытѣ нашихъ предковъ и потому составляющія ключь для уразумѣнія нашихъ древнихъ памятниковъ, *не связываются ли непосредственно съ основной идеей Эверса* — о необходимости объяснять наше древнѣйшее право на основаніи понятій и отношеній, господствующихъ у первобытныхъ младенческихъ народовъ, а не на основаніи убѣжденій и правилъ настоящаго времени?...» (Арх. Ист. юр. свѣд. отд. V пред. стр. I — II).

ніе, дабы потомъ можно было понять оное и, если нужно, возразить. Хотя мнѣніе нигдѣ не высказалось опредѣленно и научно, но оно чувствуется и слышится вездѣ, и извлечь его можно. Постараемся это сдѣлать за поборниковъ родоваго быта. Надо прибавить, что они, соглашаясь въ основной мысли, разнятся въ томъ отношеніи, что не всѣ доводятъ ее до одинакой крайности. Будемъ осторожны и не станемъ придавать мнѣніе одного ученаго другому, хотя бы даже разница была маловажна. Поэтому мы намѣрены опредѣлить мнѣнія главныхъ поборниковъ родоваго быта, каждаго порознь.

Г. Соловьевъ высказалъ свою мысль о родовомъ бытѣ наиболѣе ясно въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: въ статьѣ, напечатанной въ « Архивѣ » г. Калачева, и въ первомъ томѣ своей « Русской Исторіи. » Мы вполнѣ уважаемъ ученые труды г. профессора и это самое побуждаетъ насъ говорить откровенно.

Въ своей статьѣ: « Очеркъ правовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно Восточныхъ, во времена языческія » г. Соловьевъ повторяетъ нѣсколько разъ, что « Славяне жили подъ формами родоваго быта » (1). Онъ не опредѣляетъ, что такое родъ и родовой бытъ, но изъ нѣкоторыхъ его словъ это отчасти видно. Говоря о бракѣ, авторъ выражается: « Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ въ свою очередь производитъ вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія. Это самое ведетъ уже

---

(1) Арх. Ист. юр. св. стр. 7, 8, 10, 17.

къ продажѣ дѣвицъ: похититель можетъ, тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе » (1). Изъ этой картины очевидно, что авторъ подъ родомъ разумѣетъ *не семью*, а цѣлый рядъ семей, связанныхъ единствомъ происхожденія, цѣлое поколѣніе. Итакъ мнѣніе автора становится яснымъ. Намъ скажутъ, можетъ быть: къ чему мы хлопочемъ выводить изъ словъ автора то, что ясно само собою?— Тамъ, гдѣ не сдѣлано опредѣленій, мы считаемъ себя обязанными вывести ихъ изъ словъ автора, не довольствуясь наглядным впечатлѣніемъ,—при ученомъ спорѣ это необходимо.

Далѣе г. авторъ говоритъ: « Каждая *многочисленная семья или родъ* жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника » (2). Итакъ здѣсь признается и родоначальникъ; само же опредѣленіе рода неопредѣленно. Г. авторъ очевидно не разумѣетъ здѣсь семью, только многочисленную, развѣтвленную; такія могутъ встрѣтиться вездѣ и всегда; авторъ говоритъ: подъ управленіемъ своего родоначальника, а это уже измѣняетъ все дѣло. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ на той же страницѣ говоритъ: « Значеніе князя или старшины рода понятно; если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ *патріархъ* умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались впослѣдствіи наши князья (3).» — Итакъ

---

(1) Тамъ же, 10 — 11.
(2) Тамъ же, стр. 17.
(3) Тамъ же, стр. 17.

здѣсь уже нѣтъ естественной, простой родственной связи; это уже не семья многочисленная; родоначальникъ становится необходимымъ центромъ, не дробящимся, какъ въ быту семейномъ, но пребывающимъ постоянно. Выборъ родоначальника показываетъ уже искусственное, нравственное утвержденіе родовыхъ отношеній внѣ естественной связи, которой является недостаточно. Итакъ здѣсь родъ понимается отвлеченно и становится *началомъ*, выражающимся въ родовомъ бытѣ. Очевидно, что авторъ признаетъ не *семейныя* отношенія (хотя бы семья была и развѣтвлена и многочисленна), а союзъ семей, болѣе или менѣе обширный, подъ управленіемъ одного родоначальника, союзъ, въ началѣ родственный и естественный, а потомъ, при недостаточности естественной связи, утвержденный искусственно чрезъ выборъ родоначальника, являющійся, какъ нѣчто цѣлое, замкнутое, именно *родъ*. Здѣсь ощутителенъ уже принципъ, начало. — Разница между семьею и родомъ ясна.

Вотъ что извлекли мы изъ означенной статьи автора; но и этого довольно. Мы видимъ, что онъ разумѣетъ здѣсь не семью, а родъ (слово это употребляемъ мы въ нашемъ современномъ значеніи), подъ управленіемъ родоначальника, гдѣ человѣкъ, не довольствуясь естественной связью, возводитъ родъ въ начало, которое хранитъ и подъ условіями котораго образуется бытъ.

Теперь обратимся къ исторіи г. Соловьева.

Въ исторіи своей онъ выражается также не совсѣмъ ясно. Онъ говоритъ: « что̀ касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ. » Скажемъ ми-

моходомъ, что эта цитата требовала бы изъясненія: каждый могъ принадлежать къ своему роду, но владѣть родомъ каждый не могъ; иначе что ни человѣкъ, то родоначальникъ, но объ этомъ надѣемся еще поговорить ниже. Г. Соловьевъ продолжаетъ: » Мы теперь почти потеряли значеніе рода; у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; *но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ;* родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово: племя. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ: эти родоначальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца семейства*»—(?) (1).

Въ словахъ г. автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали семьи*, что родъ есть совокупность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ «старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца семейства*,»—какъ будто это одно и тоже! Отецъ семейства еще не былъ родоначальни-

---

(1) Ист. Россіи Сергѣя Соловьева; Томъ 1. стр. 46—47.

комъ: если-же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не могъ-бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (причемъ могло-бы быть и много отцовъ семействъ) и не переходилъ-бы предѣлы обыкновенной семьи.—И такъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе г. Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значеніе котораго ослабѣваетъ много при родовомъ бытѣ. Что г. Соловьевъ смѣшиваетъ (вопреки своимъ словамъ) родоначальника и отца семейства не только въ филологическомъ значеніи,—это доказывается его послѣдующими словами.

Далѣе авторъ говоритъ: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти» (1). Здѣсь, для устраненія вышеизложеннаго противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства—родоначальника; иначе, если-бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго (согласно съ опредѣленіемъ автора) должно быть не одно семейство, не имѣлъ-бы никакаго смысла. — И такъ, мы должны понимать, что надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти,—но дальнѣйшія слова автора опять заключаютъ въ себѣ противорѣчіе.

Сказавъ о необходимости избирать родоначальника для поддержанія единства рода, ибо естественный родоначальникъ не можетъ быть безсмертнымъ, авторъ указываетъ на южныхъ Славянъ, разсуждаетъ о значеніи и заботахъ старшаго въ родѣ и потомъ, переходя къ Рюрикову дому, говоритъ: « Власть , сила старшаго основывались на согласіи младшихъ; это согласіе было

(1.) Тамъ-же, стр. 47.

для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній: не возможно, что-бы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; *каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія*: онъ уважалъ старшаго брата, какъ отца, но когда этотъ старшій братъ, *по его мнѣнію*, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не породственному, по какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйдти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья — отсюда усобицы и распаденіе рода; если-же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйдти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго (1)».

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ примѣръ Рюрикова дома распространяетъ авторъ на родовой бытъ вообще, но, кажется, приводя этотъ примѣръ, авторъ говоритъ вообще о родовомъ бытѣ. Въ такомъ случаѣ является новое противорѣчіе, уже не противорѣчіе выраженій,

---

(1.) Тамъ-же, стр. 50.

словъ, какъ видѣли мы сей-часъ (по случаю рода и семьи), а противорѣчіе мыслей. Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ-же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по-родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ находитъ здѣсь нужнымъ судъ остальныхъ родичей; но тѣмъ не менѣе старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду.—Здѣсь является противорѣчіе; какъ намъ рѣшить его? Остановимся на томъ, по крайней мѣрѣ, что авторъ признаетъ родоначальника или старшаго въ родѣ, какъ главнаго распорядителя.

И такъ изъ мнѣній г. автора мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ, по необходимости, родоначальникомъ (семья и отецъ семейства, какъ было показано выше, имѣютъ другое значеніе); потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой однако могъ быть протестъ каждаго и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ.

Къ этому надо присоединить еще мнѣніе г. автора; онъ говоритъ: «Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разъединенія и несогласія славянскихъ племенъ отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племенъ славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родоваго, а *эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянскаго племени:* черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, въ слѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ: такъ народы германскаго племени оставили формы родового быта прежде, вслѣдствіе переселенія на римскую

почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на Востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ первопачальныхъ формахъ быта (1).»

И такъ авторъ не считаетъ родовой бытъ исключительною принадлежностію Славянъ, а думаетъ, что они оставались только долѣе при его формахъ.

Вотъ мнѣнія г. Соловьева, которыя намъ нужно было знать, о бытѣ древнихъ Славянъ. О подробностяхъ его взгляда будемъ говорить ниже.

Но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одну выписку изъ «Исторіи» г. Соловьева. Изъ нея видно, что г. авторъ весьма различаетъ родъ и семью и по этому не долженъ бы смѣшивать ихъ, какъ онъ это дѣлаетъ при изложеніи того же мнѣнія о родовомъ бытѣ. Вотъ его слова,—авторъ говоритъ о времени послѣ призванія князей: «соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, во главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одпаго старшины, не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ. Такъ долго видимъ мы городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ: они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ (?), съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода

---

(1) Тамъ же, стр. 93—94.

жизнь общинная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала *распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи*, при чемъ прежнее представительное значеніе старшихъ *въ цѣломъ родѣ* исчезаетъ, и когда князю нужно объявить предложить что нибудь общинѣ, то собираются не одни старцы, собирается цѣлая община, является общенародное вѣче (1).»

Если роды, начиная терять свое значеніе, *распадались на отдѣльныя семьи* (а это означало уже упадокъ рода), стало прежде они не распадались на семьи, а замыкали или поглощали ихъ въ себѣ. Это совершенно справедливо; семья и родъ здѣсь различены ясно. Но какъ же послѣ этого говорить: семья или родъ, какъ же смѣшивать и то и другое? — Выраженіе: значеніе старшихъ *въ цѣломъ родѣ* не можетъ также относиться къ семьѣ и ясно показываетъ, что авторъ различаетъ здѣсь семью и родъ; а въ другомъ мѣстѣ видимъ другое, семья и родъ смѣшиваются, хотя родовой бытъ авторомъ всегда признается бытомъ древнихъ Славянъ. Видно, авторъ самъ невольно чувствуетъ, что объясненіе родовымъ бытомъ не вездѣ приходится къ явленіямъ народной жизни.

Теперь обратимся къ г. Кавелину, другому поборнику родоваго быта; онъ, сколько намъ извѣстно, наиболѣе отчетливо высказалъ свои мысли въ своемъ большомъ разборѣ книги г. Терещенка, помѣщенномъ въ № 9, 10 и 12, въ отдѣлѣ критики и библіографіи журнала: Современникъ, 1848 года. На эту статью ссылается и г. Соловьевъ. Отдавая должную справедливость трудамъ г. Кавелина, разсмотримъ его мнѣніе въ подробности.

---

(1) Тамъ же, стр. 211.

Вотъ что говоритъ г. Кавелинъ. «Прежде племенъ и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и міровъ существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава *семьи* и *рода* полновластно господствовалъ надъ ними: въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ, словомъ онъ ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена мало по малу сглаживалось значеніе домоначальниковъ. Они удерживаютъ свою власть у себя дома; но рядомъ съ внутренними родовыми отношеніями появляются между-семейныя и между—родовыя, надъ которыми они не имѣютъ такого исключительнаго господства. Послѣднія сперва случайны. Общежитіе представляетъ хаосъ (1).»

Въ этомъ опредѣленіи есть большая неопредѣленность. Г. Кавелинъ, какъ и г. Соловьевъ, смѣшиваетъ семью и родъ. Онъ говоритъ, что, при появленіи между-семейныхъ и между-родовыхъ отношеній, домоначальники, теряя власть въ этихъ отношеніяхъ, удерживали власть у себя дома. Здѣсь есть противорѣчіе: въ началѣ, думаетъ г. Кавелинъ, не было между—семейныхъ отношеній (они появились впослѣдствіи). Что-же было? или каждая семья отдѣлялась отъ другой и не приходила съ ней въ сношеніе? это и предположить трудно, тогда-бы уничтожался родъ, а объ немъ тутъ же рядомъ говоритъ г. авторъ,—или-же семьи поглощались родомъ, но тогда теряется семья, о которой

---

(1) Современникъ, 1848 г. отдѣлъ критики и библіогр. № 10, стр. 92—93.

авторъ также говоритъ, очевидно смѣшивая семью и родъ.

Это пока вообще; далѣе:

« Древнѣйшій славянскій бытъ, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный. Если-бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ (стало мы ихъ имѣемъ?), кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли-бы къ тому-же заключенію» (1).

На той-же страницѣ авторъ говоритъ:

« Главная характеристическая черта древнѣйшей славянской общественности заключалась въ томъ, что послѣдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человѣческія общества.... Его (первобытнаго Славянина) ничто не обуздывало, кромѣ страха и внѣшней силы. »

« Поэтому уже не трудно составить себѣ картину первоначальнаго славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперва единственной, исключительной связью между людьми; семьи и роды — единственными человѣческими союзами и обществами; семейный и родственный распорядокъ — единственнымъ общественнымъ устройствомъ. Чтобъ понять этотъ первоначальный патріархальный бытъ и вѣрно оцѣнить всѣ его явленія, надо замѣтить особенность, свойственную однимъ первоначальнымъ обществамъ и исчезающую современемъ: мы разумѣемъ совершенную неопредѣленность первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Исторія представляетъ много обществъ,

---

(1.) Тамъ-же, № 10, стр. 96.

2
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

построенныхъ на началахъ кровнаго родства. Таково было сперва Римское. Таковъ весь Китай; *наконецъ такова Россія XVI и XVII вѣковъ* (!!??). Но всѣ эти общества не даютъ понятія о древнѣйшей патріархальности, потому что въ нихъ послѣдняя болѣе или менѣе опредѣлена, подчинена правиламъ, юридической формалистикѣ и расчитана съ математической точностью. Ничего подобнаго не было въ древнѣйшемъ патріархальномъ быту. Родственныя начала не были возведены въ юридическія опредѣленныя начала; они существовали на фактѣ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія нибудь причины къ этому побуждали» (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что г. авторъ говоритъ о первоначальномъ родовомъ бытѣ.—Этотъ-то бытъ находитъ онъ у древнихъ Славянъ: вотъ его слова:

« И такъ въ незапамятныя времена славянскій бытъ представлялъ множество семей и родовъ. Они были разрознены, чужіе между собою (2).»

Ниже черезъ нѣсколько строкъ:

« Слѣдовательно сначала не только не было между отдѣльными родами и семьями гражданскихъ отношеній: они даже не были соединены въ между-народный союзъ, какъ теперешнія европейскія общества. Каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно, независимо отъ другихъ и находился въ непостоянныхъ, случайныхъ сношеніяхъ съ ними.—Внутри себя онъ представлялъ замкнутое цѣлое, устроенное по началамъ естественнаго физическаго родства въ его

---

(1) Тамъ-же № 10, стр. 96—97.
(2) Тамъ же № 10, стр. 97.

самомъ первобытномъ, неопредѣленномъ, грубомъ видѣ» (1).

Авторъ продолжаетъ говорить здѣсь о первоначальномъ бытѣ, но мы видимъ уже измѣненіе въ его словахъ. Припомнимъ, что онъ говорилъ въ началѣ на стр. 92—93. Похожа-ли теперь слѣдующая картина родоваго быта на первую? Вотъ слова автора:

« Впрочемъ и власть, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она не была еще сознана, опредѣлена, какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно: безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя-бы и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ (а родоначальникъ, какъ верховный жрецъ, *воплощенная судьба* и пр. стр. 92? это уже начало, устройство, а не случайное проявленіе). Оттого, рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неподвластность, неподчиненіе домочадцевъ главамъ семей и какъ-бы равенство между ними (кажется, это выходитъ уже совсѣмъ иное дѣло?): *собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику и управляется съ общаго согласія членовъ послѣдней:* домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ всѣхъ членовъ семейнаго союза» (2). Это послѣднее обстоятельство, котораго авторъ коснулся мимоходомъ, обстоятельство, само по себѣ нисколько не говорящее въ пользу родоваго быта, было, если не совершенно въ сказанномъ

---

(1) Тамъ же, № 10, стр. 97—98.
(2) Тамъ же, № 10, стр. 98.

видѣ, *опредѣлено юридически*, о чемъ надѣемся сказать ниже.—Во всякомъ случаѣ, видимъ, что картина совершенно перемѣняется. Сперва выставляется передъ нами родоначальникъ, верховный жрецъ, воплощенная судьба для всѣхъ родичей: теперь—собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ *всѣхъ членовъ семейнаго союза*. Какая рѣзкая противоположность!

Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ, или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основнаго начала или обычая, являютъ только исключенія и по этому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія власти встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ и при юридическомъ порядкѣ. Если-же эти противорѣчащія явленія не исключительныя, а параллельныя, равносильныя (какъ видно принимаетъ авторъ), то названіе родоваго быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія суть только исключенія; какъ скоро-же противорѣчія не суть исключенія, слѣдовательно равносильны, какъ скоро всѣ проявленія *случайны*, *временны* (см. стр. 98):—то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта; это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнитъ исторія, о которомъ можно дѣлать предположенія и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ: это періодъ гадательный, гдѣ обширное поле воображенію, но намъ до воображенія нѣтъ дѣла: намъ нужна быль (фактъ). Можетъ быть, возразятъ намъ, что на всѣ эти сказанныя авторомъ противорѣчія есть свидѣтельства историческія, тогда мы повторяемъ: или это исключенія, или-же какое-нибудь рѣшеніе этихъ противорѣчій должно лежать въ самихъ данныхъ, для чего надо вникнуть въ данныя съ

бо́льшимъ вниманіемъ, а можетъ быть и взгляпуть съ другой точки зрѣнія. Принять-же родовой бытъ вмѣстѣ съ родоначальниками, да еще назвать ихъ сперва *верховными жрецами, воплощенною судьбою, всѣмъ для членовъ рода*, и потомъ, признавъ противорѣчащія равносильныя явленія, рѣшить такое противорѣчіе, сказавъ, что бытъ былъ неопредѣленъ, — такъ едва-ли можно поступать въ дѣлѣ науки. Скажемъ мимоходомъ, что врядъ ли бы нашелъ г. Кавелинъ данныя для первой своей картины родоваго быта въ древнемъ быту славянскомъ —Мы, признаемся, думаемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о неопредѣленности быта, что неопредѣленность находится въ самой статьѣ г. Кавелина. Вотъ почему дѣлаемъ мы изъ нея столько выписокъ, сравнительно съ сочиненіями г. Соловьева.

Первоначальный родовой бытъ приписываетъ г. Кавелинъ древнимъ Славянамъ. Хотя онъ и прибавляетъ: «въ незапамятныя времена,» но далѣе, рисуя первоначальный бытъ, онъ говоритъ: «каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ» (1). Въ этихъ словахъ узнаемъ мы, нѣсколько измѣненныя, слова Несторовой Лѣтописи. Такимъ образомъ г. Кавелинъ (въ чемъ конечно и самъ онъ согласится) думаетъ, что объ этомъ первоначальномъ родовомъ бытѣ, при которомъ жили Славяне, находятся историческія свидѣтельства.

Г. Кавелинъ приходитъ въ затрудненіе, говоря о значеніи женщины «въ первобытной славянской семьѣ:» «Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что опредѣлить и въ нѣсколькихъ словахъ выразить значеніе женщины въ древнѣйшемъ обществѣ чрезвычайно трудно» (2),

---

(1) Тамъ же, № 10, стр. 91.
(2) Тамъ же, № 10, стр. 99.

Авторъ не можетъ не признать, что значеніе женщины у древнихъ Славянъ было высоко. Находя и тутъ разныя противорѣчія и упомянувши о правахъ женщины на наслѣдство, правахъ юридическихъ, онъ говоритъ самъ: «нѣкоторые замѣчаютъ даже, именно у славянскаго племени, какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ; притомъ изъ исторіи славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себѣ жениховъ. Наконецъ у всѣхъ славянскихъ племенъ дѣвушки жили на волѣ, не работали и не знали тягостей домашней жизни» (1).—Это высокое мѣсто, занимаемое женщиною въ славянской семьѣ, старается объяснить авторъ физіологическимъ назначеніемъ женщины быть женой, матерью, — хотя приданое, «составлявшее отдѣльную собственность жены», свобода дѣвушекъ и проч. показываютъ нѣчто гораздо большее. Авторъ опять ссылается на неопредѣленность, говоря: «Но это назначеніе (быть женой, матерью), какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и послѣдовательно проведенное начало. Сверхъ того оно понималось грубо, слишкомъ матеріально и потому не мѣшало обращаться съ женщиной, какъ со всѣми прочими домочадцами» (2).—Но гдѣ-же грубость и матеріальность, когда есть даже нравственное превосходство, есть права, есть наконецъ это нѣжное вниманіе къ дѣвушкамъ, составлявшимъ какое-то привиллегированное общество, для котораго

---

(1) Тамъ же, № 10, стр. 100.
(2) Тамъ же, № 10, стр. 100.

нѣтъ труда, нѣтъ работы, а только веселье и пѣсни (какъ это ярко видно изъ нашихъ свадебныхъ пѣсенъ)? Какъ-бы ни старался авторъ объяснять по своему значеніе славянской женщины и соглашать его съ своими мыслями о родовомъ бытѣ,—значеніе славянской женщины тѣмъ не менѣе остается яркимъ и противорѣчащимъ картинѣ грубаго первоначальнаго родоваго быта, изображаемой авторомъ.

Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ объ общественномъ славянскомъ устройствѣ:

«При такомъ порядкѣ вещей, *миры* — первыя договорныя общины — были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній, Формы міровъ чисто патріархальныя (?): видно, что они созданы народомъ, не знавшимъ никакого быта, кромѣ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ міръ— гражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдѣлокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Миры не *выражали* начало единства, союза между людьми; напротивъ они *вели* ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, безсознательная, отчасти случайная форма» (1).

Почему все это такъ? Все это сказано, но не доказано.

Вотъ еще слова г. Кавелина:

« Нѣкоторые изслѣдователи начинаютъ исторію извѣстныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями и родами уже установились по образу тѣхъ, которыя существовали внутри семьи между чле-

---

(1). Тамъ же, № 10 стр. 102.

нами родовъ, — другими словами, съ появленія и упроченія міровъ. Они забываютъ, что этотъ семейно-патріархальный бытъ, обнимающій цѣлый народъ, цѣлое племя, есть результатъ длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушно-наивенъ и искренецъ, какъ обыкновенно думаютъ» (1).

Итакъ г. авторъ думаетъ, что міры устроены по родовому быту; у мира слѣдовательно долженъ быть родоначальникъ, но гдѣ же онъ? и какъ тогда объяснится сходка, гдѣ всѣ равны? Впрочемъ объ этомъ рѣчь должна быть еще впереди.

Далѣе г. Кавелинъ говоритъ, подтверждая туже мысль:

«Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были современемъ разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ (?) потому, что изъ семей они образовались и, слѣдовательно, семьи были ихъ историческимъ первообразомъ (2).»

Опять не доказано; опять голословно. Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ слѣдующее:

«Древняя русская исторія упрочила, развила, утвердила эту семейно-патріархальную общественность, исторически — первую ступень и небходимое основаніе всякого гражданскаго союза. *Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя сѣмена иного быта (??!!)*» (3).

---

(1) Тамъ же № 12, стр. 126.
(2) Тамъ же, № 12, стр. 127.
(3) Тамъ же, № 12, стр. 133.

Статья г. Кавелина посвящена преимущественно изслѣдованію обычаевъ народныхъ, свадебныхъ пѣсенъ и пр., которыми онъ доказываетъ тотъ же патріархальный бытъ. Г. авторъ говоритъ:

«Письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всею свѣжестью преданія (1).»

Мы не согласны съ этимъ; но изслѣдованіе нашихъ повѣрій, обрядовъ, пѣсенъ и пр. — есть предметъ очень важный, и мы намѣрены заняться имъ особо впослѣдствіи; потому здѣсь о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ мы не будемъ распространяться. Предметъ нашей настоящей статьи: преимущественно историческія данныя и явленія общественнаго быта.

Мы пишемъ не разборъ статьи г. Кавелина. Намъ нужно было какъ нибудь извлечь изъ нея и опредѣлить взглядъ автора, что мы и старались сдѣлать. Взглядъ его сходенъ весьма со взглядомъ г. Соловьева. Родовой бытъ и родоначальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Г. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родоначальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; г. Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но не смотря на нѣкоторую недосказанность у перваго и на неопрѣдѣленность у втораго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все таки признаютъ родовой бытъ, вмѣстѣ съ родоначальниками, у древнихъ Славянъ. Разница главная въ томъ, что г. Соловьевъ, не считая родовой бытъ особенностью Славянъ, признаетъ, что онъ на-

---

(1) Тамъ же № 12, стр. 96.

чинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, — а г. Кавелинъ доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго.

Теперь обратимся еще къ другому послѣдователю Эверса, г. Калачеву, котораго добросовѣстные труды вполнѣ заслуживаютъ уваженія.

Въ своей статьѣ объ изгояхъ онъ говоритъ такъ:

«Въ то время, когда каждый родъ, по свидѣтельству лѣтописца, составлялъ отдѣльную, самостоятельную общину, «живуще особѣ, на своемъ мѣстѣ», очевидно, что, при такихъ условіяхъ, только лица, принадлежавшія къ какому-либо роду, могли имѣть юридическое значеніе въ тогдашнемъ быту, общественномъ и частномъ. Основаніе, которымъ родъ связывался въ одно цѣлое, заключалось въ происхожденіи всѣхъ составлявшихъ его членовъ отъ одного общаго имъ предка — родоначальника. Это единство происхожденія или узы крови и родства, связывавшія между собою всѣхъ членовъ рода въ отдѣльную общину, опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ сожительство ихъ въ одномъ мѣстѣ и ихъ взаимныя отношенія. Такимъ образомъ быть членомъ извѣстнаго рода, по первоначальному понятію, значило не только быть связаннымъ единствомъ происхожденія или крови съ другими его членами, но также родиться и жить съ ними вмѣстѣ нераздѣльно. Факты служатъ яснымъ подтвержденіемъ, что, какъ у Славянъ вообще, такъ и у СлавянъРусскихъ, это было весьма естественное убѣжденіе, которое проявлялось въ самомъ образѣ ихъ жизни (1).»

Итакъ авторъ понимаетъ родъ какъ нѣчто цѣлое, какъ союзъ лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного предка — родоначальника. Кромѣ этой связи

---

(1) Арх. Ист. юр. свѣд. изд. И. Калачевымъ кн. 1, стр. 57 — 58.

происхожденія, родъ по мнѣнію автора былъ соединенъ и *нераздѣльнымъ жительствомъ вмѣстѣ*. Такой бытъ видитъ авторъ у Слявянъ вообще и у Славянъ Русскихъ.

Авторъ не смѣшиваетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, семью и родъ. Хотя онъ умалчиваетъ о родовомъ управленіи, но, кажется, мы можемъ предположить, что онъ признаетъ также родоначальника, если не естественнаго, то *избраннаго*. — Что касается до единства жительства, то кажется, съ этимъ согласны будутъ и г. Соловьевъ и г. Кавелинъ.

Обратимся еще къ одному писателю, занимающемуся преимущественно изслѣдованіями русскихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, г. Афанасьеву; въ своей статьѣ: «Дѣдушка домовой» — онъ говоритъ:

«По свѣжести патріархальнаго физіологическаго чувства, старшаго глубоко уважали, считая всякое слово его за священный приговоръ: его устами говорило самое божество (1).»

Г. Аѳанасьевъ смѣшиваетъ семью и родъ; вотъ его слова:

«Въ домовомъ обожались предки, и если каждый родъ, каждая семья (будто это одно и тоже!) ограничивались поклоненіемъ своему роду, то естественно, что души чужихъ предковъ представлялись въ такомъ же отношеніи, въ какомъ представлялся чужой домовой. Роды спорили и враждовали между собой, — представителями ихъ интересовъ и слѣдовательно ихъ взаимной борьбы были старшіе въ родахъ (2).»

Если спорили роды, спорили и семьи, но хотѣлъ

---

(1) Тамъ же, стр. 17.
(2) Тамъ же, стр. 23.

ли сказать это здѣсь г. Аѳанасьевъ? — Къ роду не совсѣмъ приходится домовой, ибо онъ можетъ быть у каждой семьи, а вражда не совсѣмъ приходится къ семьямъ.

Впрочемъ выше авторъ говоритъ: « эта вражда родовъ и семей была перенесена въ убѣжденія религіозныя и прикрѣплена къ домовому, какъ *представителю родоваго старѣйшинства* (1).

Мнѣнія г. Аѳанасьева того же рода; онъ, не дѣлая исключеній (впрочемъ, можетъ быть, и онъ ихъ принимаетъ, но здѣсь объ этомъ не говоритъ), признаетъ безусловную власть родоначальника и, какъ мы уже сказали, смѣшиваетъ семью и родъ.

О другихъ защитникахъ того же мнѣнія мы говорить не считаемъ нужнымъ, ибо это тоже или почти тоже (2).

Мы изложили мнѣніе, признающее родовой бытъ у древнихъ Славянъ вообще и также у Славянъ Русскихъ, изложили оное въ лицѣ названныхъ нами представителей этого мнѣнія.

Теперь приступаемъ къ основному предмету нашей статьи, къ рѣшенію, по историческимъ даннымъ, вопроса: въ какой мѣрѣ былъ, и былъ ли, родовой бытъ у древнихъ Славянъ, преимущественно Русскихъ?

Мы должны начать съ опредѣленія родоваго быта.

Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякаго сознанія — не есть бытъ; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ и

---

(1) Тамъ же, стр. 22

(2) Мы не говоримъ здѣсь о трудахъ г. Тюрина и г. Шульгина; мы пишемъ не разборы всѣхъ историческихъ мнѣній; иначе статья наша получила бы преимущественно критическій характеръ, тогда какъ назначеніе ея другое.

рѣчи объ немъ быть не можетъ. Бытъ является тогда, когда естественный порядокъ вначалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣритъ и старается его удержать, когда является обычай и преданіе. — Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ— есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали). — Размножившаяся семья исчезаетъ и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ*; отношенія дѣтей къ своему отцу *смущены* вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, вначалѣ кажется ему истиннымъ и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода — родоначальникъ *избирается* и ему передается все значеніе перваго родоначальника: иногда званіе это наслѣдственно. — Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устроїствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. — По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьею этого родоваго общества. — Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается, какъ родоначальникъ, носитъ ужъ въ себѣ зародышъ гражданственности.

Вотъ родовой бытъ. — Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родо-

начальника; во-вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ.

Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало не только не одно и тоже, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родоваго или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя повидимому истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

Родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы, но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ бо̀льшими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками.

Мы знаемъ, что родовой бытъ былъ у Римлянъ, гдѣ онъ формулировался юридически, былъ у Германцевъ, наконецъ былъ и даже теперь еще не совсѣмъ исчезъ у Шотландцевъ, гдѣ онъ такъ явственно, сильно и жизненно опредѣлился. Онъ есть и теперь у кочующихъ племенъ, именно у Киргизовъ. Букеевская орда дѣлится на роды, называющіеся, каждый, особымъ родовымъ именемъ.

Теперь обратимся къ Славянамъ. Былъ ли родовой

бытъ у Славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройдти, — или есть какія-нибудь на то историческія данныя, до насъ дошедшія?

Древнѣйшія извѣстія, приводимыя г. Соловьевымъ и другими учеными, говорятъ слѣдующее:

Прокопій говоритъ, что Славяне не повинуются одному мужу, но изъ начала живутъ при народномъ правленіи (ἐνδημοκρατία). — Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родоваго быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ (1).

Маврикій, говоря, что у Славянъ много царьковъ, въ тоже время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства (2).

Г. Соловьевъ соглашаетъ эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками — родоначальниковъ, говоря, что Грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи (3).

Такое объясненіе есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками, это дѣло возможное, но чтобы отношенія

---

(1) Арх. ист. юр. св. статья г. Соловьева стр. 18. — Mem. pop. T. II, 28. Sl. Staroz. Шаф. стр. 965 и 966.

(2) Арх. ист. юр. св. стр. 19 Sl. Star. Шаф. стр. 968, 969, 970.

(3) Архивъ ист. юрид. св. Отд. I, стр. 19.

родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими, это болѣе нежели сомнительно.

Прокопій говоритъ опять, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ (1).

Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народное или общинное устройство. Отвергать его нельзя. Г. Соловьевъ думаетъ выдти изъ затрудненія, говоря: «по всѣмъ вѣроятностямъ сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, — младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣденію рѣшеній старческихъ (2).»

Это не болѣе, какъ догадка; указаніе на *старцевъ*, упоминаемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ надѣемся разобрать ниже. Но допустимъ пока (хотя и не имѣемъ на это основанія) догадку г. Соловьева, предположимъ, что старики были родоначальники, что на вѣчѣ совѣщались только одни родоначальники, — тѣмъ не менѣе несомнѣнное древнее свидѣтельство объ общинѣ остается во всей силѣ и мы должны признать ея устройство; если примемъ даже, что совѣщались одни родоначальники, какъ думаетъ г. Соловьевъ, все мы должны признать общинное устройство, хотя между ними, хотя изъ нихъ однихъ состоящее. При родовомъ же устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо (что такъ часто повторяется гг. послѣдователями Эверса), никакая община невозможна. Хотя г. Соловьевъ старается выставить совѣщанія случайными и говоритъ, что необходимость не рѣдко должна была заставлять роды соединяться для об-

---

(1) Арх. Ист. юр. св. отд. I, стр. 19. Mem. popul. T. II, стр. 28. Sl. Star. Шаф. стр. 965, 966.

(2) Арх. Ист. юр. св. отд. I, стр. 19—20.

щихъ совѣщаній; но Прокопій говоритъ прямо объ *обычаѣ* общихъ совѣщаній. Эти слова Прокопія, слѣдуя у него непосредственно за извѣстіемъ, что Славяне живутъ издревле при народномъ правленіи (въ демократіи), — соединены съ предыдущимъ предложеніемъ союзомъ *и* (*και*) (1): очевидно, что оба извѣстія связаны между собою по значенію и второе подтверждаетъ первое; слѣдовательно случайнаго явленія предполагать здѣсь нельзя, а надо предположить устройство, обычай. — Еслибъ современники видѣли патріарха или родоначальника, они не сказали бы, что Славяне не терпятъ повелителя. Между тѣмъ современники именно такъ выражаются. Что же это значитъ? Или вовсе не было родоваго устройства, или роды составляли нѣчто цѣлое, что̀ являлась уже какъ демократическая, не хотящая власти, община. Сверхъ того современникъ говоритъ, что были сходки. Надо предположить (если стоять за родовой бытъ), что или сходки были въ отдѣльномъ родѣ, но тогда совершенно уничтожается родовое устройство; или же, какъ думаетъ г. Соловьевъ, что сходки (совѣщанія) были только между родоначальниками. Эти родоначальники должны были быть очень многочисленны, если славянское устройство было принято за демократическое древними писателями, если было сказано ими, что Славяне имѣютъ обычай совѣщаться вмѣстѣ во всѣхъ дѣлахъ, что они не признаютъ повелителя. Въ такомъ случаѣ г. Соловьеву остается признать, что родовое устройство уже было на второмъ планѣ и что община славянская выдвигалась еще въ VI вѣкѣ: ибо (слѣдуя его догадкѣ) каждый отдѣльный родъ

---

(1) Slowanské Starožitnosti Шаффарика стр. 965.

повинуется не своему родоначальнику, но общему совѣту старцевъ—родоначальниковъ всѣхъ родовъ, находящихся въ союзѣ (постоянномъ или временномъ); родоначальники были слѣдовательно, естественно или свободно, только *выборными отъ рода* на общихъ совѣщаніяхъ. Итакъ мы видимъ, что если принять даже догадку г. Соловьева, то и тогда результатъ оказывается не совсѣмъ въ пользу родоваго быта.

Но мы не находимъ основанія принимать догадку г. профессора, не имѣемъ никакого права сказать, что цари́ки были родопачальники и что только они совѣщались на вѣчахъ. Никто изъ современниковъ о родоначáльникахъ не говоритъ. Прокопій прямо утверждаетъ, что не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи. Маврикій, сказавъ, что у Славянъ много царьковъ, говоритъ въ тоже время, что они не терпятъ никакого повелителя (1), также, что ихъ не возможно никакимъ образомъ склонить къ рабству, или къ повиновенію (2). Наконецъ Прокопій говоритъ ясно о сходкахъ. Сравнимъ извѣстія позднѣйшія: Адамъ Бременскій говоритъ о Славянахъ, что они не терпятъ между собою господина или повелителя (3). Дитмаръ Мерзебургскій, повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ,—прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо (4). Все это,

---

(1) Ἄναρχα (neminem ferunt imperantem). Sl. Starož. Шаффарика стр. 968, 969.

(2) Тамъ же, стр. 967 — 969.

(3) Nullum inter se dominum pati volunt. Тамъ же, стр. 990.

(4) Тамъ же, 988. His autem omnibus, qui Luctici vocantur, dominus specialiter non presidet ullus. Unanimi consilio ad placitum suimut

кажется, достаточно говоритъ въ пользу общественнаго быта у древнихъ Славянъ и, сверхъ того, быта вѣчеваго. Картина знакомая Русскому. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князья на всей волѣ народа, каковы потомъ были въ извѣстныя времена князья новгородскіе; но родопачальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины. — Сверхъ того Прокопій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ далеко другъ отъ друга и часто перемѣняютъ мѣсто жительства (1). Причина тому: постоянная въ тѣ времена опасность отъ войны. Но если избы были далеко другъ отъ друга, то или не весь родъ жилъ вмѣстѣ, не составлялъ цѣлаго, что̀ противорѣчитъ условіямъ родоваго быта, какъ ихъ понимаютъ послѣдователи Эверса (вспомнимъ въ особенности вышеприведенныя слова г. Калачева), — или же каждый родъ весь помѣщался въ одной избѣ, чего опять нельзя предположить при родовомъ устройствѣ, при которомъ члены рода не могутъ быть такъ малочисленны.

До сихъ поръ мы не находимъ доказательствъ въ пользу родоваго быта у Славянъ древнѣйшихъ временъ; напротивъ того, передъ нами выступаетъ въ самомъ отдаленномъ времени общинное устройство, знакомая сходка и знакомое единогласіе. Обратимся къ доказательствамъ позднѣйшимъ, къ свидѣтельствамъ, которыя находятся у самихъ Славянъ.—При разсмотрѣніи однихъ свидѣтельствъ важно то, что̀ говорятъ свидѣтельства другія, какъ дополняютъ и часто объя-

---

necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero и т. д.

(1.) Тамъ же, стр. 966.

сняютъ они другъ друга,—важна эта совокупность свидѣтельствъ, дающая имъ настоящую цѣну. — Итакъ посмотримъ, что говорятъ другія свидѣтельства.

Г. Соловьевъ ссылается (въ пользу своей мысли) на старинную чешскую пѣснь. Обратимся къ ней; она извѣстна подъ названіемъ « Суда Любуши ». Разскажемъ сперва содержаніе самой пѣсни и выпишемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наслѣдствѣ. Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша собираетъ снемъ (сеймъ, сонмъ, сходку) изъ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемѣ она предлагаетъ всѣмъ, на оный созваннымъ, рѣшить эту вражду, выражая въ тоже время свою мысль, что, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, братья—или должны владѣть вмѣстѣ, или раздѣлиться по ровну. « Собери голоса, славная княжна, по *своему народу*, » говоритъ ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе *въ народѣ*, *собранный на снемъ къ разсужденію*. Рѣшеніе заключалось въ томъ, что-бы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудошъ съ яростію говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ всѣми свидѣтельствуетъ о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говоритъ противъ Хрудоша, объявляя, что « не хвально намъ въ Нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши. » Сюда относится отрывокъ пѣсни, находящійся, безъ связи, въ началѣ и, безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается *правда*, о которой говоритъ Ратиборъ; вотъ онъ: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужи пашутъ, женщины

шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками. Встали Кметы, Лехи и Владыки, похвалили правду по закону (1)».

Г. Соловьевъ подтверждаетъ этою пѣснію, и именно мѣстомъ объ избраніи владыкъ, догадку свою, что на сходку ходили одни родоначальники. Если допустимъ пока опять догадку г. Соловьева, то однако и здѣсь можетъ онъ признавать родовой бытъ лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающій) бытъ общинный. Сверхъ снема, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще, при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ г. Соловьевымъ) — власть князя, становящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ. Но точно ли подтверждаетъ чешская пѣсня мнѣніе г. Соловьева?—

Постараемся опредѣлить, кто такіе были эти Владыки.

Владыки ходятъ на снемъ. Въ пѣсни о судѣ Любуши изображается такой снемъ. Этотъ снемъ, это собраніе, называется народомъ, чѣмъ бы онъ едва ли могъ называться, еслибъ это были только родоначальники. Снемъ (или сходка) созывается въ настоящемъ случаѣ княжескою властію и имѣетъ вполнѣ самостоя-

---

(1.) Die Denkmähler der Böhmischen Sprache,—стр. 34—37. Шаффарикъ самъ теперь перемѣнилъ мысли объ этомъ отрывкѣ и принялъ мнѣніе, что начало пѣсни должно стоять на концѣ,—мнѣніе, которое онъ слишкомъ поспѣшно назвалъ Taschenspieler—stückchen.—Тамъ же, стр. 83.

телный характеръ, — но таково было при князѣ и новгородское вѣче. Кромѣ Владыкъ, на снемъ собираются Кметы и Лехи; они поставлены рядомъ, какъ-бы особыя сословія. Если-бы на снемъ собирались только главы родовъ, и эти главы родовъ назывались бы Владыками, то было-бы просто сказано, что собрались Владыки. Почему-же здѣсь, кромѣ Владыкъ, Кметы и Лехи? Это обстоятельство намекаетъ на сословія и такимъ образомъ еще съ другой стороны заподозриваетъ родовое устройство.—Могутъ сказать намъ, что Кметы и Лехи были званія, не исключающія собою званія Владыкъ; но почему въ пѣсни сказано вообще: всякой отецъ и т. д., сказано объ избраніи Владыкъ вообще, а потомъ тутъ-же говорится, что они ходятъ въ снемы съ Кметами и Лехами? Почему Владыки упоминаются отдѣльно и стоятъ ниже Кметовъ и Леховъ?

Встаху Кметы, Лехи и Владыки,—

Мои Кметы, Лехи и Владыки и проч. (1).

Далѣе: теперь обратимся къ самому суду, къ самому дѣлу о наслѣдствѣ. Любуша предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родоваго* владѣнія, наслѣдства. Этотъ вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи родоваго устройства (думаетъ г. Соловьевъ), именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ же представляется родъ? *Двумя братьями*. Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора при-

---

(1.) Тамъ-же, стр. 34, 35.

водится весь порядокъ, *вся правда, принесенная предками.* Что должны мы заключить? Или то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата — древняго происхожденія. Или же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный.* Да и прямо говорится, что споръ идетъ объ отцовской дѣдинѣ. Тогда дѣло перемѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо, какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ больше нѣтъ и рѣчи, то гдѣ же общее владѣніе рода, гдѣ же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно когда родъ остался безъ главы? — Итакъ на сценѣ только *семья,* выдѣлившаяся слѣдовательно изъ рода, а рода нѣтъ. Теперь, какъ объясняется то устройство, та правда предковъ, которая возвѣщается на снемѣ?— Эта правда, рѣшая вопросъ семейный, сама слѣдовательно имѣетъ семейное основаніе. И точно,—мы видимъ, что говорится объ отцѣ и дѣтяхъ. Но, скажутъ намъ, тутъ рѣчь идетъ объ общемъ владѣніи. Справедливо, но о владѣніи всей семьи,—другими словами, просто о томъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу и что, въ первую минуту наслѣдованія, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что̀ потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться (см. ниже) (1). Ибо, если бы было об-

---

(1) Съ этимъ согласенъ и Шаффарикъ, который объ мѣры, предложенныя Любушей, признаетъ древне-славянскими. Тамъ же. стр. 100, 101.

щее владѣніе нераздѣлимое, то со временемъ опо точно было бы владѣніе всѣхъ потомковъ. Какимъ же образомъ передъ нами, очень ясно, только два брата, спорящіе о наслѣдствѣ? Въ доказательство нашихъ словъ, вспомнимъ, что Любуша, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ,* говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ, или раздѣлите по-ровну. Итакъ и то и другое—по закону боговъ. Потомъ снемъ, выслушавъ рѣчь Любуши, сталъ говорить тихо между собою и *хвалить ея слова (выповѣди*, мнѣнія, рѣшенія) (1); слѣдовательно въ нихъ противорѣчія онъ не находилъ и своимъ рѣшеніемъ имъ не противорѣчилъ. Хрудошъ хочетъ не того; онъ хочетъ маіората; слова Любуши его оскорбляютъ. Въ противоположность ему, Хрудошу, приводится древній обычай, которому противорѣчить Любуша не могла, ссылаясь на законъ боговъ. Къ тому же вопросъ наслѣдства здѣсь не разсматривается въ подробности, а онъ сейчасъ видоизмѣняется, какъ скоро подъ наслѣдствомъ разумѣется, напримѣръ, недвижимое или движимое имущество. Въ эти подробности, очевидно, мы не имѣемъ права входить. Одно можемъ сказать, что здѣсь весь вопросъ между братьями, слѣдовательно вопросъ семейный, что онъ рѣшается древнимъ обычаемъ, слѣдовательно также обычаемъ семейнымъ, ибо для рѣшенія семейнаго вопроса обычаемъ, нужно, чтобъ и обычай былъ семейный. Далѣе: въ пѣсни говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ снемы съ кметами и лехами. Это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя: кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и

---

(1) Любуша, сказавъ свое рѣшеніе, говоритъ: разрѣшите мои выповѣди. Именно такъ называетъ она свое рѣшеніе. Тамъ же стр. 36,

до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать — это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, по за порогъ дома семья у насъ не переходила. Итакъ владыки были тоже, что̀ и теперь у насъ — избранные или не избранные представители семей на сходкѣ. Кметы и лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (можетъ быть, мужи княжіе), уже и по званію своему тамъ засѣдали, какъ у насъ потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди. И такъ въ чешской пѣснѣ «Судъ Любуши» выступаетъ съ одной стороны семейное, съ другой — общественное устройство; въ послѣднемъ нѣтъ уже ничего семейнаго. Такимъ образомъ, оба начала являются во всей силѣ, отдѣльно, не смѣшиваясь одно съ другимъ, какъ напротивъ это бываетъ въ бытѣ родовомъ. Что касается до слова: *родъ*, два раза употребленнаго въ пѣснѣ въ выраженіяхъ: «изъ роду выбирая» и «рода стара, Тетвы попасова», то родъ означалъ или семью (что̀ видимъ въ первомъ выраженіи), или происхожденіе (что̀ видимъ во второмъ); родоваго же быта не означалъ и означать не могъ, ибо его не было.

Стало быть, чешская пѣсня «Судъ Любуши» приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ мнѣнію о родовомъ бытѣ: 1.) споръ идетъ о *семейномъ* наслѣдствѣ; 2.) древній обычай указываетъ на *семейное* устройство; 3.) владыки были избранные отъ семействъ; 4.) снемъ или сходка называется народомъ, дѣйствуетъ свободно и съ полнымъ равенствомъ, и ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельною общиною и княземъ. — Итакъ, на основаніи этой пѣсни, мы видимъ, что родоваго устройства не было, а видимъ семью и

общину. Любопытно здѣсь обстоятельство, что Хрудошъ хочетъ маіората, столько противнаго Славянину (у котораго былъ скорѣе минорать), и Ратиборъ, опровергая его, говоритъ, что не любо намъ искать правды у Нѣмцевъ, указывая этими словами, что маіоратъ — обычай нѣмецкій; этому нѣмецкому обычаю противополагаетъ онъ древній славянскій, по которому всѣ дѣти наслѣдуютъ, и описываетъ все, и семейное и общественное, славянское устройство. Изъ требованія Хрудоша видно, что вліяніе германское могло уже быть; этимъ можетъ быть объяснено то, что, въ противность славянскому обычаю, на снемѣ считали голоса.

Не обходя никакихъ свидѣтельствъ, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ русинской пѣсни, который помѣщенъ въ примѣчаніяхъ на «Судъ Любуши», въ томъ же изданіи:

Ой всадивъ три села зъ людьми
А едно село зъ старыми людьми,
А другое село зъ парубочками,
А трете село зъ паненочками.
Старыи люде усимъ судили,
А парубочки въ войску служили,
А паненочки шитинка шили.

Хотя эта пѣсня и не приводится нашими учеными послѣдователями Эверса, но, можетъ быть, они нашли бы въ ней подтвержденіе своихъ мыслей. Подтвержденіе очень шаткое. Въ пѣсни ясно разумѣются возрастъ человѣческій и полъ. Старики сидятъ дома и судятъ, а молодые дерутся на войнѣ, а женщины шьютъ платье. Очень естественное представленіе всѣхъ временъ и народовъ, что старикамъ прилично судить, а молодымъ во цвѣтѣ лѣтъ воевать, а женщинамъ заниматься шитьемъ. Можетъ быть скажутъ: а раздѣленіе на села?—Такое раздѣленіе, вѣроятно, не будетъ признано за доказательство

родоваго быта самими его защитниками. Припомнимъ, что есть и третье село, гдѣ одинъ женщины; неужъ-то же можно принять, не шутя, такое раздѣленіе.

Теперь обратимъ вниманіе на другія свидѣтельства у соплеменныхъ Славянъ. Передъ нами изслѣдованіе Губе о наслѣдственномъ правѣ. Что намъ открываетъ оно?

Изъ этого изслѣдованія мы видимъ цѣлость и неразрывность семейства; это неоспоримо; это говоритъ и самъ авторъ (1). Конечно, авторъ вовсе не опредѣляетъ семейства, еще менѣе родъ; его собственные выводы шатки и сбивчивы (2), но тѣмъ не менѣе выставилъ онъ и собралъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Мы видимъ, что у древнихъ Славянъ имущество принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству. Не значило ли это всему роду? — могутъ спросить насъ. Нѣтъ. Имѣніе считалось выморочнымъ, какъ скоро не было дѣтей (3), и переходило къ князю или вообще къ правителю. Впослѣдствіи времени, *позднѣе*. стало оно переходить, какъ выморочное, къ родственникамъ и потомъ уже какъ наслѣдство (4). Итакъ родовое наслѣдство образовалось поздно, вслѣдствіе распоряженій правительства. Какъ же должно понимать семейство? Бездѣтность, оставляющая имущество безъ владѣнія и

---

(1) Ист. и стат. сборникъ, Ч. 1. Іос. Губе Исторія др. наслѣдствен. права у Славянъ стр. 54—95,

(2) Такъ авторъ иногда говоритъ, что семья стѣснялась съ теченіемъ времени (стр. 82), а приводитъ доказательства тому противныя, изъ которыхъ, напротивъ, видно, что она впослѣдствіи, мѣрами правительства, расширялась въ родственномъ отношеніи, такъ что наконецъ образовалось наслѣдство родовое.

(3) Тамъ же стр. 70, 74, 82 и др,

(4) Тамъ же, стр. 83.

дѣлая его государственною или общественною собственностію, ясно показываетъ, что семейство понималось въ тѣсномъ, чисто семейномъ смыслѣ. При такихъ тѣсныхъ предѣлахъ семьи, могъ ли развиться родъ? — Конечно нѣтъ. — Сверхъ того въ Польшѣ отдѣлившійся братъ, ставшій во главѣ новаго семейства, не имѣлъ, покрайней мѣрѣ въ древности, никакого права на наслѣдство прочихъ братьевъ (1). Мало того: отдѣлившіеся сыновья, отошедшіе отъ семейства, не имѣли права на семейное наслѣдство. Только дѣти, непокидавшіе отцовскаго дома и жившіе съ нимъ въ семейномъ единствѣ, имѣли право на его наслѣдство (2). Съ другой стороны мы видимъ, что въ случаѣ отказовъ или вкладовъ, дѣлаемыхъ въ пользу церкви, равнымъ образомъ и въ случаѣ заключаемыхъ съ церковью договоровъ о продажѣ. — согласіе членовъ семьи было необходимо, даже сыновей для отца. «Въ 1178 году нѣкто dominus Zyro отказалъ Міеховитскому монастырю двѣ деревни Kize и Lamogost, съ согласія своего сына Оттона. Такимъ же образомъ dominus Grzewomirus, съ согласія сына, отказалъ Мѣховитамъ имѣніе Lauthkowice. Подобный же отказъ сдѣлалъ нѣкто Berloch вмѣстѣ съ сыновьями (3)».—Кромѣ того, «нѣкто Tranvco, dictus Szeko, отказалъ въ 1325 году часть имѣнія Мѣховитамъ, ob remedium animarum, съ согласія матери, брата, сестры и сестриной золовки. Подобнымъ образомъ отъ всего семейства зависѣли и дары, дѣлаемые лицамъ свѣтскаго званія, если только дарилось недвижимое имѣ-

---

(1) Тамъ же, стр. 82.
(2) Тамъ же, стр. 82.
(3) Тамъ же стр. 78.

ніе (1). » Тоже нужно было и въ случаѣ продажи. Такъ « въ 1223 году нѣкто Subislaus продалъ деревню Czyrkowice cum consensu omnium filiorum suorum (съ согласія всѣхъ своихъ сыновей). Въ 1202 году Diaconus de Borow продалъ свою деревню, patris et fratris prius favore et assensu expostulato (испросивъ напередъ милости и согласія отца и брата). Еще во второй половинѣ XIV вѣка встрѣчаемъ мы подобныя отчужденія cum bona et unanimi voluntate filiorum (съ доброй и единодушной волею сыновей)» (2). Такіе примѣры (которыхъ много) очень замѣчательны. Изъ нихъ мы видимъ въ тоже время, что если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, примкнувшіяся къ семейству, роднившіяся съ семьею (а не съ родомъ), именно зятья, даже золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ, составляли съ нею одно. Семья такимъ образомъ могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ. Подобные же примѣры встрѣчаемъ и въ древнихъ русскихъ купчихъ, мѣновныхъ, данныхъ; въ купчихъ не рѣдко говорится, что куплено отъ такого-то лица и дѣтей его, или что продано такимъ-то вмѣстѣ съ дѣтьми. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:» Доложа дворского Бѣлоозерьского, Якова Михайлова сына Гнѣвашева, се язъ Василей Левонтьевъ сынъ Дьяконовъ купилъ есми собѣ и своимъ дѣтемъ у Марьи у Иваповскіе дочери Курачева, и у Гавриловскіе жены и у еѣ сына у Григорія у Гаврилова сына у Залама, и у его жены у Дарьи у Ивано-

---

(1) Тамъ же, стр. 78.
(2) Тамъ же, стр. 78.

вы дочери у Игумновы и у Заламовыхъ дѣтей у Евсевія, да у Фоки, пожни шесть остожей и пр.» Также: «Се язъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, своими дѣтми со князь Петромъ да со князь Иваномъ Дмитріевичи, дали есмя въ домъ Пресвятые живоначальные Троицы и великихъ чюдотворцевъ Сергія и Никона, при Архимандритѣ Діонисіѣ инр., по сынѣ своемъ по князь Ѳедорѣ Дмитріевичѣ, а князь Петръ, да я князь Иванъ по братѣ своемъ, вкладу, вотчину и пр. «(1).

Здѣсь особенно важно сравненіе съ современнымъ бытомъ русскаго народа, до сихъ поръ сохраняющимся. У крестьянъ нашихъ отдѣлившійся отъ семейства сынъ, при жизни отца, не имѣетъ никакого права на имущество семейное; онъ основываетъ уже свою семью; семью составляютъ тѣ, которые не выходятъ изъ семейнаго союза, не выдѣляются изъ него.—Такимъ же образомъ въ составъ семьи могутъ приниматься и зятья, и золовки, и дальніе родственники, и даже посторонніе. Все это зависитъ отъ воли семьи. Быта родоваго здѣсь вовсе нѣтъ; вопроса о совокупности родичей нѣтъ и тѣни. Здѣсь все зависитъ отъ свободной воли семьи. Братья, жившіе сначала вмѣстѣ, одною семьею, могутъ сейчасъ, если захотятъ, раздѣлиться и потомъ опять соединиться въ одну семью и въ одно хозяйство; само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ старшіе въ родѣ не отецъ и мать, а братья, слѣдовательно ровные, они выбираютъ кого нибудь одного, кто всѣмъ завѣдуетъ и хозяйничаетъ, конечно съ согласія остальныхъ, потому что въ домѣ долженъ быть кто нибудь одинъ хозяинъ. Это могутъ сдѣлать и лица, вовсе не родныя другъ другу, но само собою разумѣет-

---

(1) Ак. Юр. стр. 124. 129. — Примѣровъ можно привести много.

ся, что роднымъ естественнѣе такъ соединяться. Очевидно, что при такомъ сожительствѣ главный вопросъ *хозяйство*; ибо имѣніе, при бездѣтности, все таки не переходило къ родственникамъ, а считалось выморочнымъ; стало родоваго владѣнія не было. Итакъ родоваго быта здѣсь вовсе нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ *свободная воля* семьи, которая, какъ увидимъ ниже, означаетъ собственно *союзъ* людей, связанныхъ чисто *семейнымъ* родствомъ, на тѣсной семейной основѣ, союзъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободный и могущій по произволу расширяться и сжиматься для совокупнаго жительства и хозяйства, даже не обращая вниманія на родство (1); этотъ свободный входъ и выходъ изъ семьи и своихъ и чужихъ—показываетъ, что даже кровное семейное родство не было обязательною, принудительною силою. Гдѣ такая свободная воля семьи,

---

(1) Теперь еще понятнѣе намъ «Судъ Любоши». Совершенно понятны и Владыки и споръ Хрудоша съ Стягловомъ; понятно и отсутствіе противорѣчія въ двойномъ рѣшеніи Любуши. Шаффарикъ причисляетъ Владыкъ къ низшему сословію дворянства; это неизмѣняетъ нисколько дѣла: образъ жизни славанской, изображаемой въ пѣсни, остается тотъ же. Знаменитый ученый признаетъ, какъ видно, также родовой бытъ. Въ объясненіе Владыкъ онъ приводитъ слова Вука Стефановича Караджича, которыя послѣдователи Эверса обратятъ вѣроятно въ свою пользу; но слова эти нимало, по нашему мнѣнію, не говорятъ въ подтвержденіе ихъ мысли. Вукъ Стефановичъ Караджичъ изображаетъ (Die aeltesten Denkmähler der Böhmischen Sprache, стр. 68) власть старѣйшинъ сербскихъ, и изъ его словъ видно, что старѣйшина *хозяинъ* и дѣйствуетъ съ согласія членовъ семьи; изъ словъ его видно, что онъ можетъ быть и неизбранный (отецъ), или избранный, какъ скоро члены семьи равны, какъ напримѣръ, братья. Послѣ сдѣланнаго объясненія мы нимало не находимъ здѣсь родоваго быта. Вукъ Стефановичъ Караджичъ не говоритъ о возможности раздѣла; но другія свидѣтельства о славянскомъ бытѣ прямо говорятъ объ этомъ. Если же у Сербовъ нѣтъ этого, то значитъ, что славянскія начала у нихъ не сберегались въ своей чистотѣ.

какая тутъ можетъ быть связь рода, какой родоначальникъ? Особенно, когда всѣ въ ней имѣли свободный голосъ и, при отсутствіи дѣтей, имѣніе становилось выморочнымъ. Устройство, съ чѣмъ нельзя не согласиться, совершенно особенное, оригинальное, самобытное; за что же его непремѣнно подводить подъ извѣстную классификацію родоваго быта?

Итакъ изъ изслѣдованія Губе мы видимъ, что рода у древнихъ Славянъ не было, а была *семья*.

Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго, патріархальнаго характера. Напротивъ мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родоваго, патріархальнаго быта, такъ что бы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найдти родовой бытъ?

Что же вообще была славянская семья?

Она была семья, но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напримѣръ вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, сторонною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). — Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и

не наслѣдовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ роднившихся съ нею и даже посторонних; но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства;* собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наслѣдство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. — Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. — Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью. — Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? — Нисколько.

Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать, да и предметъ статьи нашей не позволяетъ намъ объ этомъ распространяться. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ человѣка; оно было вполнѣ чисто у Славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и

любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства. Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у Славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ Славянина.

До сихъ поръ изъ изслѣдованій нашихъ видимъ мы, что у Славянъ родоваго быта не было, а выступаютъ опредѣленно: *семья* и *община* (1).

Теперь обратимся къ нашимъ русскимъ свидѣтельствамъ.

---

(1) Г. Поповъ въ своей любопытной книгѣ: «Путешествіе въ Черногорію» указываетъ на родовой бытъ Черногорцевъ. По его словамъ (Глава V, стр. 123 — 163), Черногорскій родовой бытъ былъ такъ силенъ, что даже собранія, на которыя стали собираться роды, появились у нихъ лишь въ осьмнадцатомъ столѣтіи; это — такой родовой бытъ, котораго не встрѣчаемъ и у древнѣйшихъ Славянъ (у коихъ и г. Соловьевъ признаетъ собранія старѣйшинъ), которому противорѣчатъ самыя древнѣйшія свидѣтельства, ибо въ нихъ говорится о народныхъ собраніяхъ (на коихъ, по мнѣнію г. Соловьева, имѣли голосъ старѣйшины, но даже и такихъ собраній не было у Черногорцевъ), собраніяхъ, нарушающихъ (и по мнѣнію г. Попова) устройство родовое, вносящихъ съ собою устройство общественное. Кромѣ того, всѣ другія, позднѣйшія свидѣтельства противорѣчатъ родовому быту у Славянъ (см. выше; г. Соловьевъ признаетъ народное вѣче при Ярославѣ). Впрочемъ и самъ г. Поповъ говоритъ, что родовое устройство стало развиваться у Черногорцевъ уже послѣ покоренія Сербіи (стр. 124), и что при власти первыхъ владыкъ «сильно начинаетъ развиваться родовое устройство» (стр. 127). Слѣдовательно это явленіе не древнее, а позднѣйшее и не существенное. Изъ всего этого заключаемъ, что родовой бытъ у Черногорцевъ есть собственно черногорское явленіе, возникшее въ Черногоріи, по ея особеннымъ причинамъ, заставившимъ отступить Черногорцевъ отъ древняго славянскаго быта.

Лѣтопись Нестора есть, конечно, самое первое и важное основаніе и источникъ свѣденій нашихъ о древней жизни Славянъ, Русскихъ собственно. Что говоритъ она?

Въ лѣтописи Нестора мы находимъ мѣсто, служащее краеугольнымъ камнемъ для мнѣнія гг. поборниковъ родоваго быта у древнихъ Славянъ. Выпишемъ это мѣсто.

«Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и досее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (1).

Постараемся, со всѣмъ вниманіемъ, вникнуть въ смыслъ этихъ словъ и объяснить ихъ.

Прежде всего надобно въ этомъ, нѣсколько спутаномъ, мѣстѣ возстановить, или, лучше, опредѣлить грамматическій смыслъ. Дательный самостоятельный у насъ, въ древнихъ сочиненіяхъ, часто употребляется неправильно противъ употребленія, опредѣляемаго грамматикою. Напримѣръ: «Князю Святославу възростъшю и възмужавшю, нача (онъ же, Святославъ) вои совокупляти» (2). Также какъ здѣсь: «Поляномъ же живущемъ.... и живяху.» «И живяху» относится къ Полянамъ же. «Иже и до сее братьѣ бяху Поляне» — есть вставочное предложеніе. Этому рѣченію соотвѣтствуетъ грамматически рѣченіе ниже: «Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне.» (3). Теперь, понявъ

---

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. т. I, стр. 4.
(2) Тамъ-же, стр. 27.
(3) Тамъ же, стр. 5.

употребленіе дательнаго самостоятельнаго и оставивъ его въ сторонѣ, мы читаемъ это мѣсто такъ:

Поляне же жили особо и владѣли родами своими, — они были Поляне и до этой братьи (Кія, Щека и Хорива) — и жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.

«Поляне владѣли родами своими». Значитъ ли это, что Поляне владѣли потомствами своими (progenies)? Но этого предположить невозможно. Не говоримъ уже, что въ такомъ смыслѣ выраженіе это показывало бы уже слишкомъ опредѣленное понятіе о родовомъ устройствѣ. Очевидно, что въ такомъ случаѣ одни бы изъ Полянъ владѣли, а другіе находились бы во владѣніи. Другое объясненіе можетъ быть вѣроятнѣе. «Поляне владѣли родами своими » — надо понимать не въ томъ смыслѣ, что они имѣли власть надъ родами своими, а въ томъ, что они владѣли (безъ предмета владѣнія) цѣлыми своими отдѣльными родами, *по родамъ*, *каждый родъ самъ по себѣ*; способъ выраженія вполнѣ русской, какъ напримѣръ: они играли толпами: это не значитъ, чтобъ предметомъ игры были толпы, но что играли отдѣльно, по толпамъ, каждая толпа сама по себѣ. Такое объясненіе подтверждается слѣдующими словами: « жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.» Подъ «каждый» нельзя разумѣть родоначальника, жившаго съ своимъ родомъ. Не каждый былъ родоначальникъ, — это очевидно невозможно; надо разумѣть, что каждый Полянинъ жилъ съ своимъ родомъ, съ тѣмъ родомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Въ томъ же смыслѣ надо понимать слова « владѣя каждый цѣлымъ родомъ», какъ отдѣльный цѣлый родъ, или, можетъ быть, просто (смыслъ будетъ тотъ же) съ родомъ своимъ. Такой способъ выраженія опять

согласенъ съ русскимъ языкомъ (то есть, что каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно) , — напримѣръ: мы всѣмъ народомъ пришли къ тебѣ.

Итакъ это мѣсто въ лѣтописи Нестора , по нашему мнѣнію , значитъ , что Поляне жили особо (то есть между собою, другъ отъ друга), владѣли отдѣльными родами (то есть по родамъ , каждый родъ самъ по себѣ); каждый жилъ съ своимъ родомъ (съ тѣмъ, къ которому онъ принадлежалъ) и на своихъ мѣстахъ , владѣя каждый родомъ своимъ (съ своимъ родомъ, съ цѣлымъ родомъ совокупно, какъ отдѣльный цѣлый родъ).

Что такое былъ родъ ? Въ этомъ состоитъ главный вопросъ: его надобно разрѣшить, чтобы понять настоящій смыслъ приведеннаго мѣста изъ лѣтописи.

Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными словами (1), разсказываетъ о трехъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ ; это даетъ намъ возможность на дѣлѣ прослѣдить и повѣрить слова Нестора о Полянахъ. Кіи, Щекъ и Хоривъ — три брата; одинъ ли это родъ? Конечно, если сколько нибудь есть родовое устройство. Что же мы видимъ ? Что всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кіи живетъ на горѣ, гдѣ увозъ Боричевъ, Щекъ на другой горѣ , Щековицѣ , а Хоривъ на третьей, Хоревицѣ. Итакъ каждый братъ составлялъ особый родъ , но возможно ли это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если же у каждаго изъ нихъ могъ быть свой родъ , ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объ-

---

(1) Тамъ же, стр. 4.

яснить не иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*. Правда, говорится, что три брата построили *градъ* (крѣпость, острогъ) во имя старшаго брата, но такое общее дѣло могли сдѣлать даже и отдѣльные роды; мы знаемъ несомнѣнно, что у Славянъ (какъ мы объяснили ихъ бытъ) составлялись общественные союзы. Во всякомъ случаѣ, могла ли крѣпость обнимать всѣ три мѣста трехъ братьевъ? да и какъ бы то ни было, слова Нестора прямо показываютъ, что всѣ три брата жили особо другъ отъ друга. Несторъ опровергаетъ мнѣніе, что Кій былъ перевощикъ и объясняетъ тѣмъ, что такъ какъ у Кія былъ перевозъ съ той стороны Днѣпра, то и говорили «на Кіевъ перевозъ». Между тѣмъ ошибка, которую опровергаетъ Несторъ, доказываетъ, что глава рода не имѣлъ такого замѣчательнаго значенія (которое въ преданіи обыкновенно выростаетъ). Если же глава рода не былъ такъ важенъ, то значитъ, что самъ родъ не былъ замѣтнымъ, крупнымъ явленіемъ. Несторъ говоритъ далѣе, что еслибъ Кій былъ перевощикъ, то онъ бы не ходилъ къ Царюграду; «но сей Кій княжаше въ родѣ своемъ» (1). Что значитъ: «княжаше въ родѣ своемъ»? Значитъ ли, что былъ старѣйшимъ въ родѣ своемъ (чѣмъ бы родъ ни былъ), или же, напротивъ, что онъ въ своемъ роду первый, изъ своего рода первый сталъ княжить, былъ княземъ? На второе объясненіе наводятъ насъ слѣдующія слова: «и по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ» (2). Можно ли предположить, что родъ, уже образовавшійся и конечно имѣвшій численное значеніе, родъ (въ родо-

---

(1) Тамъ же, стр. 4.
(2) Тамъ же, стр. 5.

вомъ значеніи, какъ понимаютъ оный наши послѣдователи Эверса), надъ которымъ княжилъ Кій, сдѣлался самъ княжащимъ родомъ надъ Полянами? — Надо предположить другое. Вспомнимъ, что Несторъ говоритъ, что родъ трехъ братьевъ сталъ держать княженье въ Полянахъ. Перваго князя онъ не называетъ, но упоминаетъ о трехъ братьяхъ, говоритъ, что послѣ нихъ родъ ихъ началъ княжить (а прежде слѣдовательно этого не было) и говоритъ о Кіѣ, что онъ княжилъ. Это даетъ право заключить, что первымъ княземъ былъ Кій, и послѣ него стали княжить потомки (династія) трехъ братьевъ; родъ здѣсь очевидно значитъ потомки, или дѣти въ обширномъ смыслѣ. При всемъ вышесказанномъ, объясненіе наше словъ: « княжаше въ родѣ своемъ » становится понятно. Итакъ повѣствованіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ говоритъ противъ родоваго быта.

Кромѣ того, надобно замѣтить (обстоятельство очень важное), что выше приведенный образъ жизни особыми родами Несторъ приписываетъ *однимъ* Полянамъ. Несторъ *три раза* повторяетъ: « *Поляномъ же живущемъ особь* » (1). И потомъ, описывая обычаи славянскихъ народовъ, онъ говоритъ объ однихъ Полянахъ, что у нихъ были обычаи кротки и что у нихъ *однихъ* былъ *бракъ* (2), — и, слѣдовательно, семья. — Теперь понятно, почему онъ именно объ нихъ однихъ говоритъ, что они жили *родами*, отдѣльно, то есть *семьями*, — ибо у нихъ былъ бракъ. Мы знаемъ изъ древнихъ свидѣтельствъ (см. выше), что Славяне жили въ избахъ далеко другъ отъ друга; а въ избѣ,

---

(1) Тамъ же, стр. 3, 4, 5.
(2) Тамъ же, стр. 6.

какъ выше было замѣчено, трудно было помѣститься роду; она могла помѣщать только извѣстное небольшое количество, а родъ могъ быть многочисленъ. Свидѣтельство Нестора вполнѣ согласуется съ этимъ древтимъ свидѣтельствомъ и, сверхъ того, объясняетъ онос. Теперь припомнимъ еще всѣ вышеприведенныя доказательства о существованіи и значеніи семьи у Славянъ, и намъ станетъ ясно и несомнѣнно, что родъ здѣсь у Нестора имѣетъ значеніе семьи. Сверхъ того, лѣтопись Нестора южно-русская и въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранившихся въ Малороссіи, южно-русскихъ выраженій, — а въ Малороссіи и теперь родъ имѣетъ значеніе семьи. Малороссъ, говоря про свою семью, скажетъ: *се мій родъ*.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что *родъ* въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значеніе *семьи*; онъ упоминается только у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семья* (1).

Вотъ, по нашему мнѣнію, понятное объясненіе вышеприведеннаго мѣста изъ лѣтописи Нестора, которое принимаютъ за одно изъ главныхъ основаній защитники родоваго быта.

Здѣсь кстати будетъ взглянуть вообще на значеніе, которое имѣетъ у насъ слово *родъ*. Слово всякое не опредѣленно, не имѣетъ какого-нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ; оно не какая нибудь по мѣркѣ сдѣланная форма. Имѣя основное значеніе, оно въ то же время отливаетъ

---

(1) Мы не входимъ въ изслѣдованіе, былъ ли этотъ бытъ и у другихъ племенъ, и въ какой степени; важно для насъ извѣстіе, сообщаемое лѣтописцемъ и самый взглядъ его.

многими оттѣнками. Слово родъ 1) первоначально значитъ *рожденіе*, дѣтей и оттуда семью, ибо семья стала основною особенностію жизни Славянина, и потому частное, спеціальное значеніе рода — семья; 2) означая рожденіе, родъ берется и въ неопредѣленномъ смыслѣ *происхожденія*, означаетъ и предковъ и потомковъ. Происхожденіе это понимается иногда въ обширномъ смыслѣ и расширяется до значенія народа, — иногда въ тѣсномъ и значитъ родство: и тамъ и здѣсь означается единство происхожденія. Такое значеніе можно, если угодно, назвать генеалогическимъ (хотя и это названіе будетъ не вѣрнымъ, ибо единство происхожденія еще не родословіе), но не родовымъ; это вовсе не одно и тоже. Въ рыцарствѣ играло большую роль значеніе генеалогическое, а никто не назоветъ рыцарство бытомъ родовымъ.

Вотъ два значенія, которыя имѣетъ у насъ слово родъ. Но никогда родъ незначитъ совокупность родичей, какъ нѣчто цѣлое, совокупность современную (то есть совокупность живыхъ родичей), — тотъ смыслъ, напримѣръ, который мы понимаемъ подъ словомъ *колѣно*.

Примѣръ перваго значенія мы сейчасъ видѣли. Въ этомъ же значеніи могло быть употреблено слово родъ въ выраженіи: « и избрашася три братья съ роды своими » (1). Невозможно вообразить, чтобы эти три брата были три родоначальника. Во всякомъ случаѣ, при родовомъ бытѣ, не могли бы быть они родоначальниками всѣ трое. Нельзя предположить, чтобъ у

---

(1) Полн. Сабр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 8.

каждаго былъ свой родъ, ему подчиненный ; это невозможно, ибо это были братья , слѣдовательно родъ у нихъ былъ одинъ. Раздѣлять же родъ , какъ наслѣдство, на три части — этого не допускаетъ родовое устройство. Что же остается предположить ? Множественное, которое здѣсь очень важно , прямо указываетъ, что родъ былъ у каждаго ; этотъ родъ (личное потомство) могъ быть только *семья* , которая и можетъ быть своя у каждаго изъ братьевъ. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь родъ употребленъ и во второмъ значеніи, то есть: единородцы, принадлежащіе по происхожденію одному народу. Но въ значеніи рода, соотвѣтствующемъ понятію о родовомъ бытѣ, принимать слово «родъ» здѣсь нельзя. Такъ не принимаетъ даже и г. Соловьевъ, который понимаетъ здѣсь родъ во второмъ значеніи (единородцы). Въ примѣръ перваго или опять, пожалуй, втораго значенія можно привести мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ Святославъ беретъ дань и на убитыхъ, говоря: « Яко родъ его возметъ » (1). Въ примѣръ перваго значенія можно также привести выраженіе : « и вста родъ на родъ » (2), то есть встала семья на семью, *братъ на брата*, какъ говоримъ мы и теперь, или, пожалуй, *родные* на *родныхъ*. — Объясненіе очень понятное. Нѣтъ никакого основанія (особенно если сообразимъ всѣ указанія) и никакой нужды принимать здѣсь родъ въ патріархальномъ значеніи (какъ думаютъ послѣдователи Эверса), въ значеніи колѣна.

Въ примѣръ втораго значенія можемъ привести выраженіе: « отъ рода Вяряжска » (3) : происхожденіе

---

(1) Тамъ же, Т. I, стр. 30.
(2) Тамъ же, стр. 8.
(3) Тамъ же, стр. 9.

въ обширномъ смыслѣ — народное; « Рюрикъ предастъ княженье свое Ольгови, отъ рода ему суще» (1): происхожденіе въ тѣсномъ смыслѣ—родственное и, вѣроятно, близкое; Аскольдъ и Диръ идутъ на югъ также « съ родомъ своимъ » (2) (съ родными или роднею). — Кіевляне говорятъ Аскольду и Диру о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и прибавляютъ: « и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Казаромъ » (3), то есть: съ родомъ ихъ (трехъ братьевъ), или посредствомъ ихъ рода. — Родоваго устройства здѣсь опять принимать нельзя, ибо Кіевляне явно исключаютъ себя изъ рода трехъ братьевъ. Здѣсь родъ очевидно значитъ: потомство, княжую династію (см. выше). Олегъ, приплывъ въ Кіевъ, велитъ сказать Аскольду и Диру, что онъ гость, идетъ отъ Олега и отъ княжича Игоря (то-есть гость варяжскій) и прибавляетъ: « да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ » (4). Здѣсь родъ ясно употребленъ въ смыслѣ единородства, единоплеменности. Какъ бы въ полное опроверженіе понятіямъ о родовомъ бытѣ, здѣсь не сказано: къ роду своему, а къ своимъ родамъ (единородцамъ). Когда Аскольдъ и Диръ явились, Олегъ имъ говоритъ: «Вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа » (5). Здѣсь слово родъ употребляется въ смыслѣ происхожденія.

Мы, думаемъ, достаточно привели примѣровъ употребленія слова «родъ» въ двухъ, означенныхъ нами зна-

---

(1) Тамъ же, стр. 9.
(2) Тамъ же, стр. 9.
(3) Тамъ же, стр. 9.
(4) Тамъ же, стр. 10.
(5) Тамъ же, стр. 10.

ченіяхъ. Повторяемъ, что въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса, или, другими словами, въ значеніи *колѣна*, слово «родъ» не употребляется.

Въ подтвержденіе того, что родъ имѣлъ у насъ значеніе семьи, приведемъ доказательство изъ русскаго языка. Мы говоримъ: *двоюродный братъ*. Что значитъ; *двоюродный?* Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду*, то-есть: *двухъ родовъ*; итакъ двоюродный братъ значитъ братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей:* Братъ родной значитъ братъ одной семьи, односемейный; братъ двоюродный — братъ двухъ семей, дву-семейный, — что такъ и есть. Впрочемъ о значеніи этого слова мы поговоримъ еще ниже, подробнѣе.

Г. Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родоначальниковъ или князей. «По всѣмъ вѣроятиостямъ, говоритъ онъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣденію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя: знакъ ослабленія родоваго быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться.

Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые *одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшеніе вѣча, не созывая новаго*» (1).

Здѣсь явное противорѣчіе. Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ и они опять собрались? Если принять послѣднія слова г. Соловьева, то, по смыслу ихъ, мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно не одни старцы, что̀ прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ г. Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ (2), рѣшено было сдаться. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче (створиша вѣче *людье*, (3) въ спискѣ Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ не *перемѣнить рѣшеніе вѣча*, какъ говоритъ г. Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня* (4). Это совершенно из-

---

(1) Арх. Ист. юр. св. стр. 19—20.

(2) Что старцы могли быть на вѣчѣ, въ этомъ нѣтъ никакого спора, но на нихъ лѣтопись не указываетъ, не выдвигаетъ ихъ впередъ, не придаетъ имъ значенія и даже не упоминаетъ при описаніи вѣча.

(3) Полн. Собр. Русск. лѣт. стр. 55.

(4) Тамъ же, стр. 54, 55.

мѣняетъ дѣло; это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдаться немедленно? оно могло и вовсе не опредѣлять срока. Потомъ, въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, допуститъ оное, то это значитъ, что онъ его одобряетъ. Примѣръ бѣлгородскаго вѣча очевидно не подкрѣпляетъ г. Соловьева, но противорѣчитъ ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано *людье*, что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ г. Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на *вѣчахъ*? Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ; это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владиміръ сталъ приносить жертвы кумирамъ, старцы и бояре сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицю» (1).—Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о Вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія Вѣры. Но развѣ это вѣче? — Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ*;

---

(1) Тамъ же, стр. 35.

похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ, или въ народѣ, — это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ, — что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ: это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родоваго быта. Но, чтобы старѣйшины или старцы *одни* участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ, чтобы они имѣли права или вѣсъ, кромѣ простаго уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники: откуда это слѣдуетъ, этого мы *рѣшительно не видимъ*. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не самостоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ не много. — Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли, которыя и г. Соловьевъ считаетъ народными, начиная съ вѣча, созваннаго Ярославомъ. Для поясненіи отношеній старцевъ, обратимся къ современному русскому народу, къ крестьянскому быту. У нашихъ крестьянъ есть общая сходка, и сходка стариковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, другая въ дѣлахъ менѣе важныхъ (преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти *старики* (такъ они называются) и эта общая сходка могутъ имѣть соотвѣтствіе съ старцами и вѣчемъ. Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ или кѣмъ бы то ни было (даже и самими крестьянами, если имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть созвана, можетъ и *сама* собраться въ какихъ нибудь случаяхъ для рѣшенія; но *невозможно*, чтобы *сами* собрались старики и объявили свое рѣшеніе всѣмъ остальнымъ.

Г. Соловьевъ думаетъ, что старцы потомъ исчезаютъ. Но, по нашему мнѣнію, старцы не исчезаютъ. Вспомнимъ, какъ выражается Владиміръ, когда, созвавъ бояръ и старцевъ, онъ велитъ посланнымъ въ Грецію говорить передъ ними: « скажите предъ дружиною » (1). Здѣсь старцы вмѣстѣ съ боярами называются дружиною. Дружина не исчезла и позднѣе; а что дружина, и кромѣ приведеннаго мѣста, часто имѣетъ смыслъ не войска и не военнаго, а гражданскаго совѣта, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, съ этимъ не станетъ спорить и г. Соловьевъ. — Замѣтимъ, что старцы всегда оозываются княземъ, созываются вмѣстѣ съ боярами, и, какъ мы видѣли выше, вмѣстѣ съ ними называются и дружиною. Старцы или старѣйшины — совѣтники княжіе — стали, мало по малу, и княжими людьми и слились съ боярами. Мы говорили о томъ неважномъ значеніи народномъ, которое имѣли старцы: тѣмъ легче могло произойти это слитіе; оно не важно было для народа, котораго общественная жизнь выражалась (какъ потомъ это ярко видно) не въ старшинахъ, а во всемъ народѣ, имѣвшемъ равное право на совѣщаніе. — Дружина князя, сперва неопредѣленная, получила постоянный смыслъ, собственно съ княземъ связанный, и наконецъ явилась Боярская Дума, поглотившая древній совѣтъ бояръ и старцевъ, или совѣтъ дружины; въ соотвѣтствіе съ нею, какъ общее народное, русское или, лучше, всерусское вѣче, явилась Дума Земская, или земскій соборъ, поглощавшій, въ минуту своего собранія, бояръ и всѣхъ служилыхъ людей.

---

(1) Тамъ же, стр. 46.

Теперь надобно намъ обратиться къ Русской Правдѣ и посмотрѣть, что говоритъ она.

Въ Русской Правдѣ опредѣляется месть родственная. Мстить долженъ или братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ съ братниной и сестриной стороны (1): вотъ всѣ родовые мстители; за этимъ въ Русской Правдѣ говорится: «ожели не будетъ кто его мьстя, то положити за голову п̄ гривенъ, аче будетъ княжь мужь и пр.» (2). Итакъ больше мстить было некому. Здѣсь ясно означены предѣлы семьи, а не рода. Если племянникъ и не въ семьѣ, то это ближайшій къ ней изъ другой семьи. Г. Поповъ, въ разсужденіи своемъ о Русской Правдѣ, замѣтилъ, что право или обычай мщенія принадлежалъ только семьѣ и обозначалъ ея предѣлы. Это очевидно, но почему даровитый авторъ не останавливается на этомъ, не принимаетъ дѣла, какъ оно есть, а предполагаетъ, что родъ, существовавшій прежде, былъ ограниченъ этимъ постановленіемъ до семьи? На чемъ основываетъ онъ, что было прежде *родовое* мщеніе и родовой бытъ? (3) — этого онъ не доказываетъ. Свидѣтельство Русской Правды прямо противорѣчитъ родовому быту.

Въ Русской Правдѣ есть также ясное свидѣтельство о наслѣдствѣ, совершенно согласное съ выводами о наслѣдствѣ, нами сдѣланными (см. выше объ изслѣдованіи Губе). По Русской Правдѣ наслѣдство смерда (гражданина, человѣка земскаго), *какъ скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, выморочнымъ; если нѣтъ сыновей, а есть дочери,*

---

(1) Русскія Достопам. ч. 1, стр. 28.
(2) Тамъ же, стр. 28.
(3) О Руской Правдѣ разсужд. Ал. Попова стр. 37 — 38.

то дочерямъ незамужнимъ выдается часть. Наслѣдство послѣ боярина, сказано въ Русской Правдѣ, князю нейдетъ, но если не будетъ сыновей, то возьмутъ дочери. Очевидно, что здѣсь слова: «за князя задница (наслѣдство) нейдетъ» относятся только къ послѣднему случаю, то-есть когда есть, дочери, — чѣмъ наслѣдство боярина разнится отъ наслѣдства смерда. Слѣдовательно, здѣсь видимъ только, что наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, нейдетъ за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть одинъ дочери. Итакъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ идетъ за князя, считается выморочнымъ.

Свидѣтельство Русской Правды, на основаніи которой имѣніе, при отсутствіи дѣтей, считается выморочнымъ, — согласуясь съ другими подобными свидѣтельствами у славянскихъ народовъ, ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ.

Мы говорили уже (см. выше) о томъ, что участіе въ наслѣдствѣ другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей, образовалось у Славянъ позднѣе, вслѣдствіе распоряженій правительства. Такимъ образомъ права рода, въ этомъ случаѣ, суть явленіе позднѣйшее и правительственное; прежде ихъ не существовало. Это совершенно обратно относится къ предположеніямъ гг. послѣдователей Эверса. Тоже самое видимъ и въ Россіи. Въ Судебникѣ Іоанна III сказано прямо: «если кто умретъ безъ духовной, и сына у него не будетъ, то возметъ дочь; если дочери не будетъ, то *ближній отъ его роду*» (1). Здѣсь родъ употребленъ опять въ тѣсномъ

---

(1) А. И. Т. I, стр. 155.

значеніи, ибо здѣсь разумѣется ближній къ роду того, чье имущество. Остальные случаи употребленія слова «родъ» въ Судебникѣ — даютъ намъ право такъ понимать и здѣсь это слово. Дополнительныя статьи къ Судебнику Іоанна IV входятъ въ нѣкоторыя подробности о наслѣдствѣ, различая древнія вотчины служилыхъ князей и бояръ отъ вотчинъ жалованныхъ.—Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ причины; выпишемъ любопытное для насъ употребленіе слова родъ: «А который князь вотчину свою напишетъ брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего роднаго брата сыну, или *которому своему ближнему роду*, опричь тѣхъ, какъ *кому мочно межъ собою женитися*» (1). Выраженіе, здѣсь употребляемое, показываетъ, что у человѣка могъ быть *ближній родъ*; если самые роды были родственны, то родъ опять не представлялъ совокупность родичей, ибо роды отдѣлялись одинъ отъ другаго внутри предѣловъ родства; здѣсь родъ употребленъ въ смыслѣ родственной семьи, пожалуй съ ея потомствомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ семьи; съ дальнѣйшимъ потомствомъ прекращалось и вовсе всякое родство.

Итакъ родовыя права на наслѣдство были даны у насъ, какъ и у другихъ Славянъ, въ позднѣйшемъ времени, и даны Правительствомъ (2).

---

(1) А. И. Т. I, стр. 268, 269.

(2) Г. Неволинъ въ своемъ, заслуживающемъ всеобщей благодарности, сочиненіи не могъ не замѣтить явственнаго свидѣтельства Русской Правды о наслѣдствѣ, противорѣчащее рѣшительно всякому родовому устройству. Но какіе же результаты выводитъ авторъ? Онъ говоритъ: «Это предпочтеніе исходящихъ боковымъ родственникамъ и совершенное исключеніе послѣднихъ отъ участія въ наслѣдствѣ были связаны одно съ другимъ: новый порядокъ наслѣдованія могъ

Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ. Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли? Несообразность такого предположенія очевидна. Сверхъ того, мы видѣли, что и до Рюрика, *искони*, не было у Славянъ родоваго устройства. Еще замѣчательнѣе то, что Русская земля была

на первый разъ не иначе явиться, какъ въ совершеной противоположности съ прежнимъ (И. Р. Г. З. т. 3, стр. 351). // Если порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ г. Неволинъ называетъ новымъ, то какой же былъ прежній? Кажется, что г. авторъ предполагаетъ въ древности родовое устройство. — Изчисливъ порядокъ мстителей въ Русской Правдѣ, г. авторъ говоритъ: «порядокъ изчисленія мстителей у Ярослава есть порядокъ родоваго старшинства лицъ (стр. 345).» Странно. По этому старше всѣхъ братъ, потомъ сынъ, потомъ отецъ (!). Можно ли это допустить, въ какомъ родовомъ быту отецъ по старшинству займетъ не только не первое, но даже третье мѣсто? Потомъ, предполагая, что поименованныя лица могли и не жить вмѣстѣ (что совершенно такъ), г. авторъ прибавляетъ: «Слѣдовательно, уже во время Ярослава члены рода не жили по общему правилу, совокупно» (стр. 345). Слѣдовательно, прежде Ярослава это было; изъ этихъ словъ видимъ, что авторъ предполагаетъ въ древности у Русскихъ Славянъ родовое устройство; но на чемъ основывается такое предположеніе? На это авторъ не даетъ объясненія. — Авторъ думаетъ, что лица наслѣдовали въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изчислены, какъ мстители; но тогда бы отецъ наслѣдовалъ сыну, и опять въ-третьихъ. Это, по нашему мнѣнію, не имѣетъ доказательствъ и противорѣчитъ совершенно славянскому устройству, гдѣ было вначалѣ общее семейное владѣніе и гдѣ по этому вопросъ подучаетъ другое значеніе. Ниже авторъ, разсматривая наслѣдство въ пространной Русской Правдѣ, говоритъ: «Въ видѣ общаго правила преимущество исходящихъ предъ боковыми родственниками могло быть признано въ законахъ только тогда, когда союзъ родовой глубоко потрясенъ былъ разными событіями. Кажется потрясеніе его (родоваго союза) въ жизни частной и потрясеніе въ жизни общественной послѣдовали въ

совершенно равнодушна къ родовымъ правамъ князей, какъ видно ни-мало не сочувствуя родовымъ вопросамъ. Нигдѣ не видать, чтобы города заступались за старшаго, или за права своего князя. Они заступаются за князя или прогоняютъ его, смотря по своимъ къ нему отношеніямъ, смотря по тому, любятъ ли они его, хорошъ ли онъ для нихъ, и безопаснѣе ли и выгоднѣе ли будетъ для ихъ общественной жизни съ нимъ или безъ него. Такое отсутствіе сочувствія къ родовому вопросу, столь близко до народа касающемуся, показываетъ полное отсутствіе родоваго начала въ народѣ.

Г. Соловьевъ видитъ родовое начало въ народѣ, считаетъ его туземнымъ. Въ дружинѣ княжой видитъ онъ уже другое начало, освобождающееся отъ начала родоваго. Дружина образовывалась и возобновлялась пришельцами. Г. Соловьевъ говоритъ такъ объ ней: « эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему

одно и тоже время, въ періодъ междуусобій, обуревавшихъ русскія земли по смерти Ярослава до нашествія Монголовъ (351 — 352). » Но почему именно тогда и почему былъ онъ прежде? Авторъ самъ ниже говоритъ: «Если по пространной Русской Правдѣ къ законному наслѣдству дѣйствительно призываются только дѣти умершаго, съ исключеніемъ его братьевъ, то надобно полагать, что, въ промежуткѣ времени между изданіемъ пространной Русской Правды и изданіемъ судебника Іоанномъ III, право законнаго наслѣдованія распространено было и на боковыхъ родственниковъ » (355 — 356). Итакъ вотъ когда и какъ были утверждены родовыя права. Въ этихъ словахъ почтеннаго автора есть нѣкоторое противорѣчіе съ предыдущими его словами. Впрочемъ во 2 томѣ своего сочиненія почтенный авторъ, кажется, отвергаетъ родовой бытъ въ древности; но въ дальнѣйшія объясненія мы теперь не входимъ, ибо для этого нужно было бы посвятить особую статью на разборъ цѣлой книги.

родовому» (1). Какимъ же образомъ мѣстничество,—въ которомъ (хотя едвали справедливо) находятъ слѣдъ родоваго начала, но въ которомъ есть хотя начало родословное,— мѣстничество было именно только у бояръ, у потомковъ дружины, наслѣдниковъ ея духа и устройства, наконецъ у людей служилыхъ, *государевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ дружины, его и и не знали? — Это обстятельство также говоритъ сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родоваго быта.

Итакъ есть два явленія, гдѣ сколько нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родоваго начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія — не туземныя, по крайней мѣрѣ въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружины, пополнявшейся пришлецами. — И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія.

Оставивши въ сторонѣ доказательства историческія, обратимся къ обычаю и языку.

Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ: князь и княгиня. Г. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (2) (какъ будто домовладыка и родоначальникъ — одно и тоже). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальниками; ина-

---

(1) Архивъ ист. юрид. св. Отд. I, стр. 17.

(2) Арх. Ист. юр. св. Отд. I, стр. 17.

че каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родоваго быта? — Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. — Итакъ наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, чтобы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ....

Извѣстенъ, и доселѣ въ полной силѣ существующій, обычай въ Россіи всякого называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ тоже время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду*: родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. — Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личныя прозвища, — ихъ видимъ и въ древности, — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ съ одной стороны на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и быта родоваго.

Русской народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (дѣверь, золовка, невѣстка, шуринъ и проч.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. — Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Вмѣсто cousin употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный*, то-есть:

двухъ родовъ (выше мы объясняли это). Чтобы опредѣлить одноосемейнаго брата, говоритъ онъ: *братъ родной*; это было бы очень недостаточно, еслибъ слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значитъ: братъ семьи, то-есть, одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей. А *родня?* — скажутъ намъ. Родня означаетъ единство происхожденія; кромѣ того слово это могло означать родство семейное. — Но мы употребляемъ слово родня въ болѣе обширномъ смыслѣ? — Да; но это употребляемъ мы, классы переобразованные, — это ужъ наше дѣло, — и все-таки родня не имѣетъ у насъ значенія, придаваемаго роду послѣдователями Эверса. Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ родъ надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего переобразованнаго общества родъ употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ, генеалогическомъ смыслѣ, но даже и здѣсь не значитъ онъ совокупности родичей, не значитъ *колѣна:* это патріархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ переобразованномъ обществѣ) — явленіе позднѣйшее. Выше мы указали на участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды*, *изъ рода въ родъ* — опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то родъ и принимается въ смыслѣ поколѣнія (генераціи).

Г. Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линій (1). Итакъ, племя

---

(1) Ист. Росс. Сергѣя Соловьева, стр. 46.

есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ нѣчто къ болѣе широкому; ибо г. Соловьевъ говоритъ: « Единство рода, связь *племенъ* поддерживалась единымъ родоначальникомъ » (1). Слѣдовательно родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племенъ. — Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ употребленія словъ рода и племени показываютъ, что, напротивъ, родъ имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а племя болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ — племя, ни роду — ни племени* — показываютъ это. Если бы *племя* было часть рода, — то, сказавши, что нѣтъ роду, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ племени. Слѣдовательно племя понимается въ обширнѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду — ни племени* это такъ ощутительно, что всякій Русской иначе и не пойметъ; другими словами выраженіе это значитъ: не только нѣтъ роду, но и племени.—Это еще видиѣе въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ роду, ни въ племяни» (2), и въ вѣнечныхъ памятяхъ также: «и ты бъ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же; «чтобъ ни въ роду, ни въ племени, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ» (3). — Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію г. Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было бы его и упоминать; достаточно было сказать: «въ роду»; но здѣсь упомянутъ родъ и

---

(1) Тамъ же, стр. 46.
(2) А. И. Т. I стр. 274.
(3) А. Юр. стр. 425.

сверхъ того упомянуто, *послѣ* рода, племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ? — Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками*. Въ русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племечко (1). Итакъ это слово «племя» опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. — Особеннаго родоваго какого нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано зданіе родоваго быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значитъ *семью*. Какое же значеніе имѣетъ слово: семья? Мы думаемъ (также какъ и г. Соловьевъ), что семья происходитъ отъ сониматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ выводитъ онъ (2)), а другое По мнѣнію нашему, семья, происходя отъ соимать, соиматься, согласно и съ другими подобными производствами, означаетъ *союзъ, соймъ, сеймъ, снемъ*.—Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья: оно выражаетъ такъ ощути-

---

(1) Бытъ Русск. Нар. Терещенки, ч. II, стр. 176.

(2) Ист. Русс. Сергѣя Соловьева, примѣч. 47. — Г. Соловьевъ говоритъ: семья (отъ со-имаю) означала первоначально жену, супругу (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и произшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ записяхъ полагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

тельно общинную сторону семьи. — Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Іоанна IV употребленіе слова: семья: «и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими»; также: «чтобъ семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; также: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»; — также: «и не учнутъ къ Государю на тѣ семьи и заговоры отписывати» (1). — Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза; въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника, поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая коммиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполнѣ понятно и многое объясняетъ.—Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную свою сторону, что̀ такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше (2).

Мы, думаемъ, достаточно привели опроверженій родовому быту у Славянъ указаніями на бытъ семейный въ особенности, и на бытъ общинный. Считаемъ нужнымъ присоединить здѣсь еще нѣкоторыя указанія собственно на бытъ общинный.

Изъ прежнихъ свидѣтельствъ древнихъ, изъ суда

---

(1) А. И. Т. I, стр. 254, 256.

(2) Такъ же объясняемъ мы и употребленіе слова въ крестоприводныхъ записяхъ — семьяниться, которое и г. Соловьевъ объясняетъ словомъ соединяться. Названіе же жены семьицею есть не уменьшительная, а личная форма (примѣровъ можно найти много) и конечно могло относиться къ женѣ, соединенной съ мужемъ узами брака, началомъ семьи: припомнимъ слово: *семьянинъ*.

Любуши, даже отчасти изъ устройства самой семьи,— видѣли мы бытъ общественный, видѣли народную общину, имѣющую самостоятельный, свободный голосъ. Но вотъ еще примѣры.

Кѣмъ призываются Варяги? Въ лѣтописи говорится просто: «рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи» (1). Собственныя названія племенъ или гражданъ означаютъ обыкновенно въ лѣтописяхъ народъ. Такъ Кыяне значитъ народъ кіевскій, Новогородцы—народъ новогородскій и т. д. Здѣсь видимъ названія племенъ и имѣемъ полное право предположить тотъ же смыслъ; ни о старѣйшинахъ, ни о старцахъ нѣтъ ни слова. Слѣдовательно призваніе Рюрика было дѣйствіемъ народной воли. Это заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. — Самое призваніе князя, особенно же племенами, даже чужеродными (Славяне, Чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный. Не объясняемъ здѣсь его причины и ограничиваемся тѣмъ, что прямо нужно для нашихъ доказательствъ.

Въ договорѣ съ Греками Олега, еще видиѣе въ договорѣ Игоря, высказывается вполиѣ общинное устройство, котораго вдругъ завести нельзя. Не желая повторять что было напечатано, мы отсылаемъ читателей къ статьѣ нашей объ изгояхъ, гдѣ договоры эти изложены довольно подробно (2). Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Бытъ вполиѣ общественный. — Это тоже явленіе, какое мы ви-

---

(1) Полн. Собр. Р. Лѣт. Т. I, стр. 8.
(2) Моск. Вѣдом. 1850 г. № 87.

димъ и впослѣдствіи, и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ этихъ выступаетъ значеніе всей земли, всего народа. Такое общественное устройство основано уже вовсе не на родовомъ началѣ, даже прямо противорѣчитъ ему.

Игорь бралъ дань съ Древлянъ; онъ не владѣлъ ими; ибо у нихъ былъ свой князь Малъ. Тѣмъ лучше для изслѣдованія; бытъ славянскій у Древлянъ долженъ былъ соблюдаться въ своемъ собственномъ видѣ. Какой же онъ былъ? Посмотримъ. Игорь, захотѣвъ взять дани больше, идетъ къ Древлянамъ, собираетъ съ нихъ дань, наконецъ идетъ къ нимъ опять за тѣмъ же. *Древляни*, *сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ (а не князь Малъ самъ по себѣ), и не видя конца насиліямъ, убиваютъ Игоря. — Послѣ этого опять *Древляне* (то есть народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала.—Любопытно здѣсь, что и позднѣе встрѣчаемъ совершенно подобное обстоятельство: Новогородцы женятъ своего князя: «ожениша Новогородци Мстислава Гюргевича и пояша зань Петровну Михаиловича» (1).—*Древляне* же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ.—Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: «посла ны *Деревьска земля*» (2).— Это выраженіе вполнѣ ясно. — Очевидно также, что посланы они не отъ одного города Изкоростѣня, а отъ всейземли древлянской, ибо потомъ война была со всѣми Древлянами; а это видно изъ того, что въ послѣдствіи говорится объ усмиреніи всѣхъ другихъ Древлянъ, кромѣ Изкоростѣня, который боится не за предложеніе замужства, а за убійство Игоря, совершенное только

---

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 148.
(2) Тамъ же, стр. 24.

имъ однимъ. — Князь Малъ вѣроятно былъ общимъ княземъ древлянскимъ; вся древлянская земля проситъ за него. Правда, въ лѣтописи Древляне говорятъ Ольгѣ: «наши князи добри суть» (1); но это, кажется, не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, чтобы у нихъ современно были многіе князья, — а что древлянскіе князья бываютъ всегда (живутъ) добры; все равно, какъ Русской при Θеодорѣ Ивановичѣ могъ выразиться вообще: у насъ цари добрые. — Ольга, совершивъ месть надъ первыми послами, требуетъ новыхъ, почетныхъ; иначе, говоритъ она, не пустятъ меня люди кіевскіе. « Се слышавше Древляне, избраша лучьшіе мужи, иже держажаху Деревьску землю» (2) и послали къ Ольгѣ, которая совершила месть надъ ними. Изъ всего этого разсказа видимъ, что на первомъ планѣ дѣйствуютъ и распоряжаются Древляне, народъ. Они *думаютъ* съ княземъ своимъ Маломъ; они рѣшаютъ женить его на Ольгѣ; они опять посылаютъ лучшихъ мужей, наконецъ такихъ, которые держали древлянскую землю. Посольство правится отъ *древлянской земли*. Мы видимъ, что у Древлянъ были и лучшіе мужи, и державшіе древлянскую землю, вѣроятно старѣйшины, о которыхъ упоминается ниже. Но мы видимъ также, что не эти лучшіе мужи, не эти старѣйшины распоряжаются и посылаютъословъ, а напротивъ ими распоряжается, ихъ посылаетъ народъ. Выше лучшихъ мужей, выше старѣйшинъ, выше и князя Мала, о которомъ потомъ не говорится ни слова, стоятъ Древля-

---

(1) Тамъ же, стр. 24.
(2) Тамъ же, стр. 24.

ие, народъ. Старѣйшины у Древлянъ вѣроятно были власти выборныя, надъ которыми (какъ ясно это изъ разсказа) была власть всей земли. — Итакъ древлянскій бытъ есть бытъ чисто общинный; а конечно это —бытъ еще до Рюриковскій.

Когда Святославъ жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ Печенѣговъ, Кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и ищетъ чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ (1). Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношеній. Съ этимъ согласится, можетъ быть, и г. Соловьевъ; и онъ думаетъ, что родовой бытъ слабѣетъ послѣ призванія Рюрика. Одинъ г. Кавелинъ видитъ его въ Россіи до Петра Перваго!!!! Это мѣсто изъ лѣтописи о Святославѣ привели мы для того, чтобы указать на голосъ народный, поднявшійся въ этомъ случаѣ.

Святославъ, послѣ Ольги, рѣшаясь, какъ кажется, переѣхать въ Переяславецъ, сажаетъ въ Кіевѣ Ярополка, а Олега у Древлянъ,—«въ Деревѣхъ» — какъ сказано. Въ это время приходятъ Новогородцы и просятъ себѣ князя съ угрозою: «если вы не пойдете, говорятъ они, мы найдемъ себѣ князя.» Такая рѣчь отрывается устройствомъ общественнымъ, народнымъ, вѣчевымъ, которое скоро и по лѣтописямъ обозначилось ярко въ Новѣгородѣ. — « Если пойдетъ кто къ вамъ»—отвѣчаетъ Новогородцамъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отказываются. «Дай намъ Влади-

---

(1) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. I, стр. 28.

міра,» говорятъ Новгородцы. «Вотъ онъ вамъ,» отвѣчаетъ Святославъ. Новгородцы берутъ Владиміра и уходятъ (1). Видно здѣсь, между прочимъ, что идти въ Новгородъ для князей было не очень заманчиво.

Мы не знаемъ вполнѣ, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ князьямъ кіевскимъ при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ. Черезъ четыре года своего княженія, Олегъ выѣхалъ изъ Новгорода и направился къ югу. Что значитъ выѣздъ? Если вспомнимъ свидѣтельство Никоновской лѣтописи о волненіяхъ Новогородцевъ при Рюрикѣ, о Вадимѣ, если припомнимъ въ позднѣйшія времена независимый духъ Новогородцевъ, то невольно думается, что Олегъ *принужденъ* былъ оставить Новгородъ, что и ему было сказано: путь чистъ! кланяемся тебѣ!—Правда, Олегъ собралъ цѣлое войско, въ которомъ были и *Словене* (конечно Новогородцы), но, уходя безъ брани, по взаимному соглашенію, онъ могъ ихъ имѣть въ войскѣ. Во всякомъ случаѣ, уходя изъ Новгорода, Олегъ, кажется не думалъ возвращаться, ибо взялъ съ собою малолѣтнаго Игоря.—Русь оставила Новгородъ и перешла на югъ; туда перенесла она свое мѣстопребываніе и свое имя. Замѣчательно, что Несторъ, послѣ занятія Олегомъ Кіева, повторяетъ вновь:» бѣша у него Варязи и *Словѣни* и прочи, прозвашася Русью «(2). Отсюда понятно, почему южная Россія преимущественно называлась Русью: туда съ Сѣвера перешла призванная Русь и тамъ утвердилась дѣятельность русскихъ князей. Въ началѣ, впрочемъ, названія Русская земля и Русской князь, кажется, имѣли значеніе тѣсное, то-

---

(1) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. I, стр. 10.

(2) Тамъ же.

есть, означали Кіевскую землю и Кіевскаго князя. Древляне говорятъ про Игоря: «се князя убихомъ Рускаго» (1), отдѣляя такимъ образомъ себя отъ Руси. Встрѣчаемъ также въ лѣтописи мѣсто: « Поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (2). Какая бы ни была причина, по которой вышелъ Олегъ изъ Новгорода, остается тотъ же фактъ, что Русь перешла на югъ. Но Новгородъ не разрывалъ общенія съ Русью, имъ первымъ призванною, и съ южными Славянами. Отношенія его къ князю лишь опредѣлились иначе. Несторъ говоритъ, что онъ платилъ дань Варягамъ, ежегодно, по установленію Олега, 300 гривенъ, *мира дѣля* (3). (300—вѣроятно ошибка, ибо лѣтопись говоритъ, что эту дань платили до смерти Ярослава, а при Ярославѣ, сказано, не 300, а 3000, съ распредѣленіемъ, кому именно). Что значитъ *мира дѣля*? — Для того ли, чтобы Варяги защищали Новгородъ, составляли его дружину и берегли его миръ? — Но такое объясненіе, кажется намъ, нѣсколько натянуто; такого сложнаго понятія не можетъ высказывать это выраженіе. Кажется проще понять, что Новгородцы платили эту сумму или для союза (міра) съ Олегомъ, или для мира, чтобъ сохранять миръ, тоесть, чтобъ имъ самимъ жить въ мирѣ, съ кѣмъ? — конечно съ Олегомъ, который ихъ оставлялъ въ покоѣ. Слѣдующее мѣсто въ лѣтописи очевидно относится сюда: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года, а ты-

---

(1) Тамъ же стр. 23.
(2). Тамъ же, стр. 11.
(3) Тамъ же, стр. 10.

ячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху ; а тако даяху посадници Новгородстіи, а Ярославъ поча сего не даяти Кыеву (1). » Итакъ эта дань продолжалась до Ярослава. Мы видимъ здѣсь дань только Кіеву и гридемъ. Кто же были гриди? Дружина княжеская. Съ тѣхъ поръ , какъ Новогородцы имѣли своего князя , треть дани шла на его дружину, а двѣ трети шли въ Кіевъ (какъ и прежде конечно), и такимъ образомъ выходила вся сумма — 3000.—Вѣроятно , мысль, что съ присутствіемъ князя нѣтъ никакой надобности платить дань въ Кіевъ, была причиною отказа Ярослава платить дань. Въ этомъ отказѣ очень естественно предположить участіе Новогордцевъ. — Кромѣ этого отношенія дани къ Кіевскому князю или къ Кіеву, мы видимъ , что въ Новѣгородѣ сидѣли посадники ; кѣмъ выбирались они — трудно рѣшить. Мы знаемъ, что потомъ они иногда ставились княземъ, иногда народомъ. Конечно посадники, во всякомъ случаѣ , менѣе могли стѣснять Новогородцевъ. При Святославѣ, наскучивъ быть съ посадниками , Новогородцы захотѣли себѣ своего князя, и взяли Владиміра.—Все это устройство и всѣ эти отношенія Новгорода не имѣютъ въ себѣ и признаковъ быта родоваго.

Но чѣмъ далѣе подвигаемся и чѣмъ подробнѣе лѣтописи , тѣмъ яснѣе и сильнѣе является устройство общины и вѣча. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

При Изяславѣ I мы слышимъ уже громкій голосъ общины въ Кіевѣ.—Въ 1067 году, когда Изяславъ со Всеволодомъ разбитые Половцами, прибѣжали въ Кіевъ, Кіевляне собрали вѣче на площади и послали ска-

---

(1) Тамъ же, стр. 56.

зать князю: Половцы разсѣялись по землѣ; дай, князь, намъ оружья; мы еще хотимъ съ ними биться.—Изяславъ не послушалъ. Народъ освободилъ заключеннаго Всеслава и поставилъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ (1).

Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу сказать: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьтѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ» (2).—Устройство общественное ясно видно въ этихъ словахъ. Позднѣе является оно, какъ Земская Дума, Земскій соборъ.

Въ 1097 году Святополкъ, заключивъ Василько въ оковы, не рѣшается самъ сдѣлать надъ нимъ зла, но созываетъ на совѣтъ бояръ и Кіевлянъ, и объявляетъ имъ объ умыслахъ Василька на него, сообщенныхъ ему Давыдомъ. Бояре и народъ сказали: тебѣ, князь, прилично заботиться о головѣ своей; если Давыдъ сказалъ правду, то пусть Василько приметъ наказанье; если Давыдъ сказалъ неправду, то пусть приметъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Богомъ (3). Этотъ осторожный отвѣтъ принялъ Святополкъ за позволеніе на злодѣйство, совершенное имъ надъ Василькомъ.

Въ томъ же году, когда Володарь и Василько осадили Давыда во Владимирѣ (на югѣ), они послали сказать, не Давыду, а Владимирцамъ: мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ нашихъ, наушниковъ Давыда; если вы за нихъ хотите биться,

---

(1) Тамъ же, стр. 73, 74.
(2) Тамъ же, стр. 98.
(3) Тамъ же, стр. 110.

— мы готовы; или выдайте намъ нашихъ враговъ. «Гражане же се слышавъ, созваша вѣче» и сказали Давыду: выдаи этихъ мужей, не бьемся за нихъ; за тебя биться можемъ: если же не выдашь ихъ, то отворимъ ворота города, а самъ промышляй о себѣ, «и неволя бысть выдати я.» Давыдъ хотѣлъ было хитростію скрыть наушниковъ и выслалъ ихъ въ Луцкъ; одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ Кіевъ, другіе воротились въ Турійскъ. «И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье (народъ) на Давыда и рекоша: выдаи кого ти хотятъ,» если нѣтъ, то отворимъ городъ. Давыдъ выдалъ наушниковъ (1).

Въ 1146 году, послѣ брата своего Всеволода Ольговича, Игорь сталъ княземъ кіевскимъ. «И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебѣ.» Изяславъ двинулся къ Кіеву; на дорогѣ къ нему пришли Черные Клобуки и все Поросье и сказали: ты нашъ князь; не хотимъ Ольговичей; ступай скорѣе, а мы съ тобою. Потомъ пришли Бѣлгородцы и Василевцы съ такими же словами: иди! Ты нашъ князь; не хотимъ Ольговичей. Наконецъ пріѣхали мужи (выборные) отъ Кіевлянъ и сказали: ты нашъ князь — иди! Не хотимъ Ольговичей; *не хотимъ быть какъ бы въ наслѣдствѣ* (доставаться какъ бы по наслѣдству); гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы съ тобою готовы. — Въ 1147 году Изяславъ побѣдилъ Игоря и сталъ кіевскимъ княземъ. — Собираясь съ Ольговичами идти на своего дядю, Георгія, Изяславъ созвалъ бояръ, всю свою дружину и Кіевлянъ и сказалъ имъ: я ула-

---

(1) Тамъ-же, стр. 113—114.

дился съ своею братьею, съ Владиміромъ и съ Изяславомъ Давыдовичами и съ Святославомъ Всеволодовичемъ: хотимъ идти на Юрья, на своего дядю, и на Святослава, къ Суздалю, потому что Юрій принялъ къ себѣ врага моего Святослава Ольговича; а братъ Ростиславъ тамъ соединится съ нами; онъ идетъ ко мнѣ съ Смольянами и Новогородцами.— Кіевляне, выслушавъ, сказали: Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего; лучше какъ нибудь съ нимъ уладься; не вѣрь Ольговичамъ и не ходи съ ними въ путь.— Изяславъ сказалъ народу: Они цѣловали ко мнѣ крестъ; я думалъ съ ними думу, и никакъ этого пути не хочу отложить; а вы поспѣшайте.—Кіевляне отвѣчали: Князь! Ты на насъ не гнѣвайся; мы не можемъ поднять руки на Володимірово племя (1); если на Ольговичей, то готовы хоть и съ дѣтьми. — Итакъ Кіевляне отказали Изяславу. Изяславъ пошелъ въ путь съ Ольговичами, скоро узналъ ихъ измѣну, отложилъ походъ и послалъ двухъ пословъ, Добрынку и Радила, въ Кіевъ къ брату Владиміру, къ митрополиту Климу, къ тысяцкому Лазарю, и велѣлъ имъ сказать: созовите всѣхъ Кіевлянъ на дворъ къ Святой Софіи; пусть мои послы молвятъ рѣчь мою къ нимъ и скажутъ лесть (предательство) черниговскихъ князей. — Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и позвалъ Кіевлянъ. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала и до велика, къ Святой Софіи на дворъ, составили вѣче, и сѣли. — Владиміръ сказалъ митрополиту: братъ мой прислалъ двухъ мужей кіевскихъ, чтобы они повѣдали братьѣ своей.—Добрынка и Радило выступили и сказали: Братъ тебя (Владиміра) цѣлуетъ, кланяется митрополиту, цѣлуетъ Лазаря и всѣхъ

---

(1) Юрій былъ сынъ Владиміра Мономаха.

Кіевлянъ. —Кіевляне сказали: молвите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ.—Послы сказали: такъ говоритъ князь: я объявлялъ вамъ, что думалъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Володиміромъ и съ Изяславомъ Давидовичами пойдти на дядю своего, на Юрья, — и звалъ васъ съ собою. Вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на племя Володимірово, на Юрья; но если на Ольговичей, то хоть и съ дѣтьми идемъ съ тобою. — Теперь я объявляю вамъ: Владиміръ Давидовичь и Изяславъ, и Всеволодовичь Святославъ, которому я много сдѣлалъ добра, цѣловали ко мнѣ крестъ; нынѣ же тайно отъ меня цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу и послались къ Юрью, а надо мною учинили измѣну, хотѣли меня или взять или убить за Игоря, но меня защитилъ Богъ и крестъ честный. — Теперь же, братья Кіевляне! чего хотѣли, чѣмъ мнѣ обѣщались — исполните; идите по мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, поспѣшайте отъ мала и до велика; у кого конь — на конѣ; у кого нѣтъ коня — въ ладьѣ. Они не меня одного хотѣли убить, но и васъ изкоренить.—Кіевляне сказали: мы рады, что Богъ избавилъ намъ тебя отъ великой измѣны, братью нашу (*и* братью нашу?); идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты хочешь (1). — Любопытный въ высшей степени разсказъ этотъ передали мы почти слово въ слово изъ лѣтописи, пользуясь спискомъ Ипатьевскимъ и Лаврентьевскимъ, отступая отъ буквальной вѣрности тамъ, гдѣ требовалъ этого современный языкъ.

Кіевляне не хотятъ поднять руки на племе Володиміра Мономаха. Здѣсь нѣтъ никакого вопроса о ро-

---

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 130 — 137. — Тамъ же, Т. II, 23—33.

ловыхъ правахъ. Мономахъ былъ младшая линія; но онъ былъ *любимъ* народомъ, и изъ уваженія къ нему они не хотятъ драться съ его сыномъ. Къ племени мономахову принадлежалъ и Изяславъ Мстиславичь: онъ былъ внукъ Мономаха (1). Здѣсь нѣтъ нимало вопроса о княжихъ правахъ, ибо княземъ Кіевляне признаютъ себѣ Изяслава, и не хотятъ только драться, поднимать руки на Юрія. Въ доказательство, что здѣсь не было и мысли о старѣйшинствѣ Юрія предъ Изяславомъ, мы приводимъ, что, когда Вячеславъ, старшій братъ Юрія, которому, по сознанію и самого Юрія и Изяслава, принадлежало старшинство, сѣлъ въ Кіевѣ въ то время, какъ владѣвшій имъ на тотъ разъ Юрій выѣхалъ изъ него, — Кіевляне говорятъ Изяславу: «Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ» (2).

Изяславъ призвалъ потомъ самъ въ Кіевъ Вячеслава, назвалъ его отцемъ и всю жизнь почиталъ его, какъ отца. На дѣлѣ княземъ кіевскимъ былъ Изяславъ, но Вячеславу онъ оказывалъ постоянно сыновнее почтеніе. Кіевляне радовались такимъ согласнымъ и умилительнымъ отношеніямъ. Изяславъ Мстиславичь умеръ въ Кіевѣ 1154 года. «И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіане, рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой» (3). Здѣсь народъ распоряжается Кіевскимъ княжествомъ.

---

(1) Здѣсь употреблено слово: племе; очевидно, что здѣсь Кіевляне говорятъ не о дѣтяхъ только, не о семьѣ Мономаха; напротивъ расширяютъ понятіе семьи или рода и потому употребляютъ слово: племя.

(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр. 49.

(3) Тамъ же, Т. II, стр. 75.

Ростиславъ былъ братъ Изяслава, наиболѣе имъ любимый. Онъ сталъ къ Вячеславу совершенно въ отношенія брата своего Изяслава. Скоро Ростиславъ долженъ былъ идти противъ Юрія. Въ полки пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ въ Кіевѣ. Ростиславъ поскакалъ въ Кіевъ, отдалъ послѣдній долгъ Вячеславу и воротился къ войску. Онъ собирался идти къ Чернигову, но мужи его не совѣтовали ему, говоря: Богъ взялъ дядю твоего, а ты съ *людьми* (народомъ) въ Кіевѣ еще не *утвердился*; поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ. Когда придетъ на тебя дядя Юрій, послѣ того какъ ты съ народомъ утвердишься, если угодно будетъ тебѣ съ нимъ мириться, — помиришься, если [illegible]пѣтъ, — начнешь съ нимъ рать (1).— Этотъ совѣтъ мужей достаточно показываетъ отношеніе народа къ князьямъ.

Въ 1158 году (въ 1157 л. Л.) «сдумавши Ростовцы и Суздальцы и Володимирци вси, пояша Андрея сына Гюргева старѣйшаго и посадиша и на отни столѣ, Ростовѣ и Суздали и Володимири, зане бѣ прелюбимъ всимъ за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и къ всѣмъ сущимъ подъ нимъ» (2).

Въ 1159 г. «Выгнаша Ростовци и Суздальци Леона епископа, зане умножилъ бяше церковь, грабяй попы» (3).

Въ 1176 году Ростиславичи (Ярополкъ и Мстиславъ) княжили въ землѣ Ростовской, и стали угнетать на-

---

(1) Тамъ же, Т. II стр. 75—76.
(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр.
(3) Тамъ же, Т. I, стр. 149. Т. II, стр. 89.

родъ поборами, слушали бояръ, а бояре научали ихъ на многое имание. Князья обобрали даже церковь святой Богородицы Владимирской. Тогда Владимирцы заговорили: мы вольно приняли къ себѣ князей (1), а они грабятъ не только волость (землю), но и церкви. А промышляйте братья! — Они послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, « являюще имъ свою обиду »; но тѣ по враждѣ не хотѣли поддержать ихъ; тогда Владимирцы вызвали опять бывшаго у нихъ прежде князя Михалко, рѣшась теперь снова на борьбу съ Ростовцами и Суздальцами. Михалко пріѣхалъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владиміромъ Святославичемъ. Ростиславичи были разбиты и бѣжали. Михалко сѣлъ княземъ во Владимирѣ, къ великой радости народа, и возвратилъ церкви Святой Богородицы имѣніе, отнятое Ярополкомъ (2).—Во всемъ разсказѣ, нами приведенномъ, дѣйствуютъ на первомъ планѣ и распоряжаются Ростовцы, Суздальцы и Владимирцы.

Нѣсколькими строками ниже лѣтопись говоритъ въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова: *Пов-*

---

(1) «Мы есмы волпая князя пріяли къ собѣ», (Полн, собр, Русск. лѣт. Т. I, стр. 159); въ другихъ спискахъ: « мы есмы волни, а князя пріяли къ собѣ». Читать слѣдуетъ по нашему мнѣнію: мы есмы, волніи, князя пріяли къ собѣ.—Владимирцы точно приняли князей сами. У нихъ былъ князь Михалко; но на нихъ пришла Ростовская земля, приведши Муромцевъ и Рязанцевъ. Ростовцы хотѣли Ростиславичей. Не терпя голода, Владимирцы рѣшились добровольно принять Ростиславичей, потому что, прибавляетъ лѣтопись, дрались Владимирцы не противъ Ростиславичей, а противъ Ростовцевъ. Рѣшившись не терпѣть больше осады, Владимирцы сказали князю Михалку: мирись, князь, или промышляй о себѣ. Михалко отвѣчалъ: вы правы; развѣ вамъ изъ-за меня гибнуть? и уѣхалъ на югъ. Владимирцы охотно приняли Ростиславичей, но они стали обирать народъ и церкви, и дѣла перемѣнились (Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 158—159).

(2) Полн. Собр. Р. лѣт, Т. I, стр. 159 — 160.

городци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти (волости, земли; выше слово: власть — употреблено въ томъ же смыслѣ), *якоже на думу, на вѣча сходятся, на чтоже старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть*» (1). А здѣсь, продолжаетъ лѣтопись, городъ старый Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре хотѣли поставить свою правду, не хотѣли сотворить правды Божіей, но, какъ намъ любо, сказали, такъ и сдѣлаемъ; Володимиръ — пригородъ нашъ. Но Владимирцы стали крѣпко за правду и прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду (2).—При устройствѣ народномъ цѣлыхъ волостей или земель; села и города новые, называвшіеся пригородами, соглашались съ рѣшеніемъ народнымъ, мѣсто дѣйствія котораго было въ городѣ древнемъ, гдѣ и велось оно еще до основанія новыхъ городовъ; но соглашались только въ такомъ случаѣ, когда рѣшеніе было правдиво. Кромѣ частныхъ своихъ вѣчъ, города новые и въ общемъ вопросѣ всей волости или земли (здѣсь земли Ростовской) могли отдѣляться и самостоятельно дѣйствовать, независимо отъ городовъ старыхъ (какъ въ примѣрѣ, нами приведенномъ, гдѣ за свое самостоятельное дѣйствіе Владиміръ пріобрѣтаетъ еще славу). Устройство городовъ новыхъ было, по нашему мнѣнію, совершенно одинаково съ устройствомъ городовъ старыхъ. — Слова лѣтописи, нами приведенныя, указываютъ наконецъ прямо на общинное устройство во всей Русской землѣ.

Мы приводили примѣры общиннаго устройства южныхъ и сѣверныхъ земель русскихъ, не указывая на

---

(1) Тамъ же, стр. 160.
(2) Тамъ же, Т. I, стр. 160.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

Новгородъ. Въ общинномъ устройствѣ Господина Государя Великаго Новгорода никто не сомнѣвался, но тѣмъ не менѣе хотимъ мы указать на замѣчательное выраженіе Новогородское. Новогородцы говорятъ ими приглашаемому князю Ярославу (1228): « на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, ты нашъ князь, — или ты собѣ, а мы собѣ » (1).

Мы привели достаточно примѣровъ, доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство, — общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту....

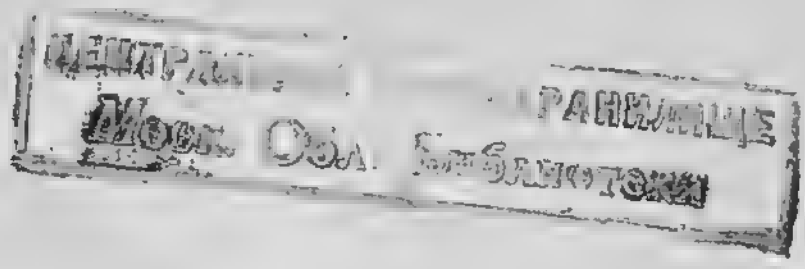
Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе:

Русская земля была изначала наименѣе патріархальная, — наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля.

---

(1) Тамъ же, Т. III, стр. 44.

Константинъ Аксаковъ.



8V8

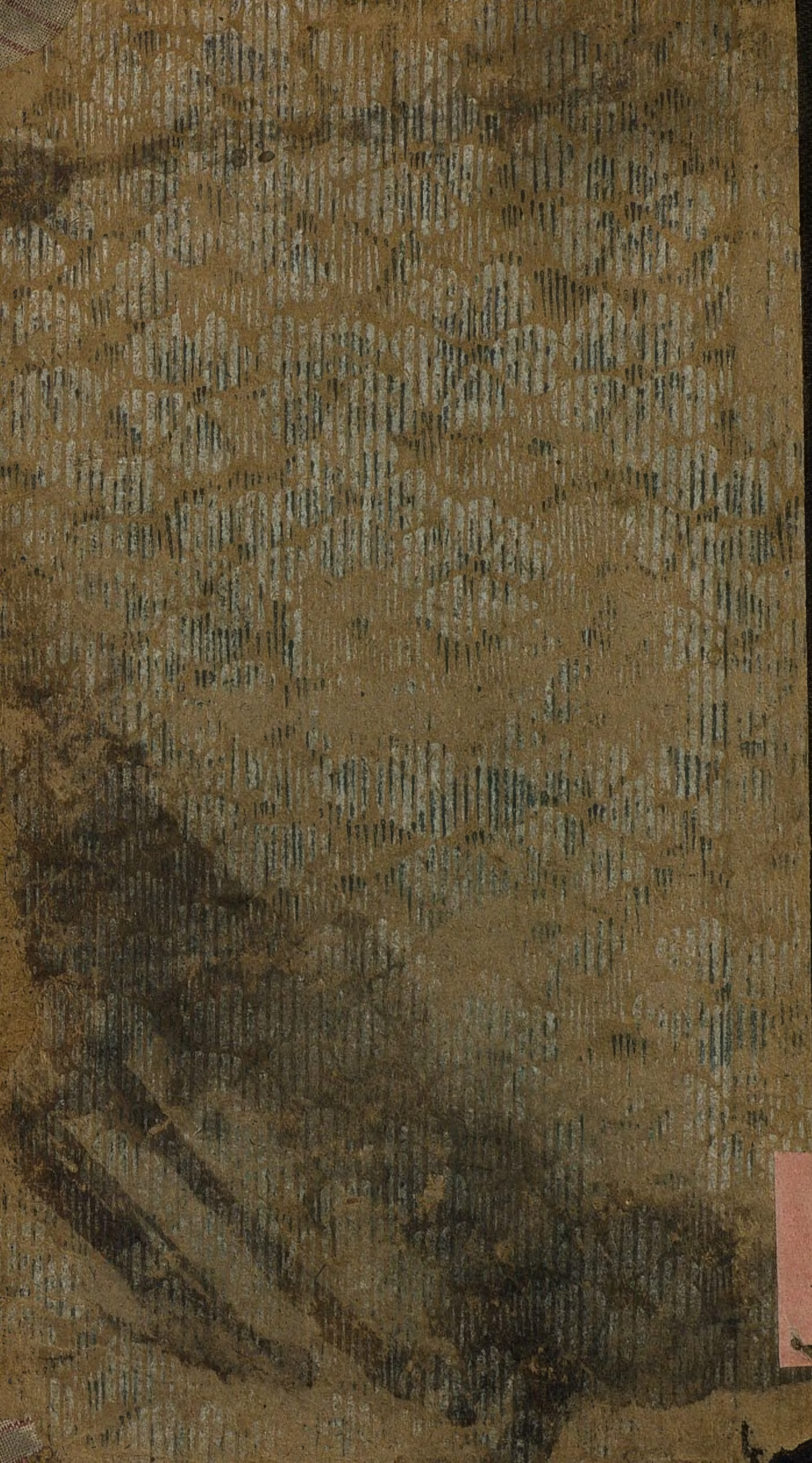
843 3

1830-17/VIII

1687-15/XI

1605 23 НОВ 1953

2859-17/II

3257-13/V

МОСК. БИБЛИОТЕКА